

Мир молодости:
БУДУ РАБОЧИМ

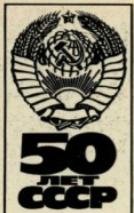

№ 9 МАЯ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

Комсомольский характер

ОДИН ИЗ СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ

ФОТО Анатолия СИМАГОВА

№ 9 [1079]
МАЙ
1972

НАША ОБЛОЖКА:

МИР МОЛОДОСТИ

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

азворачиваясь на краю котлована, Аман сверху видел всю площадку третьего понижающего каскада. И справа и слева от него ползли бульдозеры товарищ по бригаде, издали похожие на медленных черепах. Бульдозеры прорылись между стенами своих секторов, оставляя за собой золотистую полоску свежего песка. Через несколько минут ее снова заносило снегом, и на первый взгляд казалось, рабочая смена не движется. Но сверкающие ножи машин покидают на края котлована огромные ворохи земли, перемешанные со снегом.

Он развернул машину и хотел уже бросить ее вниз, на белый лист снега, успевшего прикрыть свежий слой земли, но вдруг заметил застывший бульдозер и маленькую фигуруку, копошившуюся рядом. Притгнувшись мотор, он выскочил в звенящий ветер и побежал по гребню котлована.

— Что с ним?

Худоба-бригадир недоумело покосился пчелами. Но было в его жесте и что-то виноватое. Бульдозерист, он работал в бригаде чуть больше месяца. Опеки новичка поручили комсоргу участка Аману Кличурдяеву. И только три дня назад Аман сказал бригадиру, что Димусахатов может работать самостоятельно.

На капот бульдозера падали снежники и тут же стекали, оставляя извилистые следы на горячем металле. Аман вслед за своим недавним учеником влез в кабину, запустил дизель, с трудом нажав на рычаг, дернул машину вперед и сейчас же остановил.

— Тебе что?

— Чувствую, что... трудно управлять, и заглушил.

Реакт бежало еще несколько человек.

Бригадир — огромный, тяжелый, неповоротливый в своих блестящих от масла и потому крепких, как доспехи, ватных штанах и фуфайке — стал взбираться на бульдозер.

— Я сам, — опередил его Аман. — Гидроусилитель полетел. Наверное, гайку какую-нибудь срезало.

— Ты что, Аман? У тебя что, проблемы?

Да Аман бульдозер был больше, чем орудие труда. Правда, особенного почтения перед машиной он не испытывал — Аман чувствовал себя ее хозяином. Ему нравилось, когда сила машины передавалась рукам, и можно было легко ворочать огромные охапки земли. Он не жалел бульдозер, но и опасался перетрудить его, боялся именно столько, сколько было по силам и самому и машине.

«И кому он хотел доказать? Набрал на два захода. Его бы запрячь так!» — шептал Аман. Он по гулу мотора всегда ощущал лишний килограмм песка на ноже. Без этого чувства нельзя стать хорошим бульдозеристом. Но сумел ли он передать Худоба-бригадирам свое понимание машиной? «Надо попросить Курбана, чтобы рядом со мной его поставили».

Через час они сидели возле жарко напотленной печки в бригадном вагончике. Одна половина его служила спальней, другая — столовой. В углу столовой стояло несколько знамен, завоеванных бригадой, на стенах висел портрет бригадира. Байрамгельды Курбана на портрете не похож сам на себя, в строгом черном костюме, при галстуке, со Звездой Героя на груди, а глаза у него были расщепленные, то ли испуганные. Таким торжественным и таким беспомощным бульдозеристом своего бригадира, кроме как на «картинах», никогда не видели.

За стеками вагончика метался ветер, и редкие деревья вздрагивали на ветру, а долгий снег съедал пространство, и было скучно.

— Опять вечная пища, — поморщился бригадир, перемешавшая ложкой маффины, обычно сдобренные тушенкой.

— Может, нам лучше в столовую ездить?

Как будто в столовой лучше некуда! — обиделся дежуривший в этот день Аман Аширов. — На втором участке столовая день работает, неделю отыграл. Там бы эти маффины как детинаты прошли.

Все, что происходило на стройке, Аман и раньше воспринимал как нечто свое, близкое, а став комсоргом, он, даже незаметно для себя, начал вмешиваться в дела управления. Разговоры о перебоях с питанием на втором участке возникли не вчера, но именно наакунье Аман встретил однопчинца, работающего в роднике, и наслышавшись жалоб на жизнь «всухомякту». На втором участке своих комсоргов. Они были неминуко знакомы, и Аман думал как-будто, что придется с ними, поговорить...

Но после сегодняшнего замечания Аширова Аман решил иди сразу же к Ананкинбурану.

Бригада жила в вагончиках прямо у места работы, и только Аман ездил ежедневно и себе домой в Геок-Тепе, маленький древний поселок, притягивающийся к подножию Кол-Агат. Все в бригаде были родом из-под Мары, и за восемь лет работы они далеко ушли от родных мест, и лишь один Аман кел канал не от дома, а домой. Еще в армии он узнал, что создается новое строительно-монтажное управление «Копет-даггидрострой» и его бригаду перебрасывают в строительство Кол-Агатской ГЭС. Аман, Курбана и остальных рабочих придергали по-прежнему в районе Тедженка, он мог бы и не возвращаться к своим. По крайней мере сомнения у него возникали: очень уж домохотелось. Да и не только тоска гнала на родных места. Подрастали четыре младшие сестры и три брата, тяжело болел, уже который год не вставая с постели, отец. А он старший, надежда, кормильц. Он возвратился, когда недалеко от Геок-Тепе закладывали главный поселок гидростройтелей, вместе с другими бульдозеристами перевозил от станции вагончики,

8
ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО...
РАССКАЗ ВЛАДИМИРА
ЦЫБИНА.

12
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ФОТОЧЕРКИ О РЕКЕ ЛЕНЕ
«ЖИВАЯ ВОДА».

20
ПЯТЬ СТУПЕНИЙ
В СИЛЕ И МУЖЕСТВУ.

28
ЭХО КРАСНОГО РУПОРА,
УЛИЧНЫЙ ТЕАТР ФРГ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

АКАДЕМИК А. И. ЦЕЛИКОВ:
АКСИОМА НАУЧНОГО ПОИСКА
«ОЛИМПИЙСКАЯ СЕРИЯ» БОРЬБА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Купцов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Лукин [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

заранее оборудованные под общежития, склады, котоны, столовые. Первый вагон он притащил в день, когда в космос взлетел очередной «Союз», и Аман предложил назвать поселок именем космического корабля. Название не понравилось.

До Союза он добрался на попутном самосвале, выпрыгнул на ходу у ноги приземистого здания кабинета и без стука вошел в ярко напольенный кабинет начальника управления Аннукрабуна. Знакомы они вечно, семья лет назад вместе начали: Аман — учеником бульдозериста, а молодой инженер Аннукрабун — начальником участка. И на правах старого знакомого Аман надеялся быстрее устроить вопрос с питанием на соседнем участке.

Обычно, приходя на работу, начальник переодевалась в своем кабинете в старую спецодежду. В ней он чувствовал себя удобнее. Но этот раз он сидел, не снимая теплого пальто, закутавшись по самые подбородки в мохеровый шарф. С утра ему хотелось отлежаться, но работы накопились невпроворот, и болеть было некогда. В прошлом году управление уложило девять тысяч кубов бетона, на это двадцать процентов план выполнены тогда, но, наверное, он один знал, что это стоило. А теперь план увеличен почти в три раза.

— Вы нам даете годовую программу спланированного управления, — сопротивлялся он на совещании в «Глазкаркумструте». — А у меня управление специализируется на бетоне, а на земле. Тридцать миллионов кубометров грунта передано надо. — Но сопротивлялся слабо, понимая, что план сократить не удастся и делать эту работу все равно придется. И сделала надо, иначе не сдать в срок первую очередь водохранилища и не пустить воду по каналам на запад к Бахардену, и еще дальше — к Каспию.

— Бульдозеры, тракторы, самоходные экскаваторы, летом — студенты. Надо, — торчал Аннукрабун, сам понимавший.

Он понимал величие слова «диада». Сидел целый день над таблицами, графиками, расчетами и видел, что не только новые люди нужны управлению — придется доставать новые машины, вибраторы, полностью менять организацию труда бетончиков и шоферов...

— Что у тебя? — спросил он простуженным голосом, недовольно глядя на комкорга транспортной.

Аман Аннукрабуровский словно боялся, как бы его не перебили, выложил все, ради чего и приехал.

— В УРСе знают. Заходили к нему на дне, обещали наладить.

— Обещанный три года ждут.

— Там люди тоже не зря штаны протирают.

— Надеялись, что приоткроются, накатят.

— Вот и накати. А сейчас не мешай: без твоих столовых дел по горло.

Начальник поморщился, как от зубной боли, закувавшись в шарф и снова склонился над исческанными листами бумаги.

Управление «Каракумструя» — самое красивое и самое большое здание в Ашхабаде. Аман долго бродил по бесконечным коридорам, всматриваясь в сияющие на дверях «Спикеры» он почему-то стеснялся. Наконец, нашел нужную дверь, постоял возле нее в раздумье и, решившись, разунул ручку на себя.

Сидевший за столом пожилой туркмен спранился на непонимающие вслушивающие в сибирскую речь посетителя. Рассказывая о плохой работе столовой и магазина на втором этаже, Аман завидовал тем, кто природы наделился басом. Ему казалось, бас звучит удивительно. И в подтверждение своей правоты грохнул пуланом по столу. По стеклу, прикрывавшему стол, разлетались трещины.

— Извините, — проговорил Аман, разглядывая паутину трещин.

Бывает. Тем более, стекло совсем старое. Пятидесят лет жизни его за собой, из здания в здание, из комнаты в комнату. Я все удивлялся, как оно раньше не рассыпалось. Да ве садитесь, разговор у нас, думаю, предстоит долгий.

Второй участок самый дальний в управлении и самый ответственный. Там собраны основные силы гидростроителей — землянорезки, экскаваторщики, бетончики. Их посыпка находится в радиусе пяти километров от ближайшего аула. В посёлке есть магазин и столовая. Магазин открыт как раз в те часы, когда строители находятся на объектах, а столовая...

— Вам же сажиши, невыгодно, если столовая работает от случая к случаю, — доказывал Аман. — Работные приезжают с дальних объектов, а обеда нет. Назавтра повар приготовит на сотню человек, а придет не больше десяти: не верят уже.

— Меня надо и повара и продавца. Они люди пожилые, часто болеют, живут далеко. Надо искать из местных.

— Гаман, — сказал Аман, — я тебе не виноват.

— И самолично живут. Наверняка есть женщины, скучающие без работы — они сумели бы и регулярные обеды наладить и торговлю поставить. Попытать только надо, поговорить. Мне Аннукрабунов только что звонил, взыграл этот именем по предложению. И обещал, что комсомол ваш как раз и занимается поисками таких людей. Может быть, вместе съездим?

— Нет, я сам.

— Хорошо. Только позови потом. А я пока пошли туда нашего повара-инструктора и автором.

Он знал, что не всегда надо бежать, стучать, скряться в уголок. Иногда важно остановиться, подумать, посоветоваться. Ни к чему быть блбом в стену, если можно открыть дверь, преберегаешь энергию и упорство для более подходящего случая и дела. Это истинна. Но вся жизнь и состоит из поискования подобных истин, пусть уже кем-то доказанных. Они становятся собственными, когда ты сам их заново открываешь.

Начальник второго участка проводил каково-то совещание на одном из землянорезок, стоявшем рядом с плитами на извести.

Маленькая туристская лодка рыскала по желтой воде, и Аман, непривычно уставший от незнакомых работ, гнал ее вспеской ближе к борту землянорезки. Вот рука уже дотянулась до металлической скобы к борту, когда послышалось скрипание, застывшее в настенной цепи. Она прыгнула на низкую палубу, но поскользнулась на покрытом ледянной коркой металле и очутилась в воде. Параша, теплая на вид, она обожгла. Аман вскрикнул от страха, неожиданности или дикого холода и снова потянулся к знакомой скобе. На палубу выскочил похожий на Курбана огромный человек в такой же

маслянистой фуфайке, из-под которой выглядел поблекший клиньяшек тельчики.

— Моря, что ли? Нашел время купаться! — Он схватил Амана за руку и легко поднял на палубу.

— Мне бы начальника увидеть.

— Тебе бы граммы дасти сейчас! — Машинист землянорезки подтолкнул неожиданного гостя к кубрику. Там было тепло и шумно. За столом сидело человек восемь — спорили, курили, рассказывали пепел на затерты, уже просвечивающие на слизи чубах чурткем. — Утопленника вот привел. Тобой, Коля, интересуетесь.

Дайте ему сначала передохнуть,— сказал начальник и снова повернулся к чуртке.

Многие из того, что син спорили машинисты землянорезок, Аману было непонятно и поэтому неинтересно. Да он и не слушал почти, больше присматривался к начальнику участка. Был он ничуть не старше Амана, лет двадцать пять, и так же худенький и незамятый, но сидевшие вокруг него рослы, плюшевые и повидавшие всего землянорезки. Тут же замолкли, едва услыхав, что син сидел на столе, спущенном специально и для него.

Наверное, не только из-за долинности молодого инженера. После совещания Аннукрабуну уже звонили, — сказал начальник — и он жалобах однополчанина и о своих встречах в управлении и УРСе.

— Мне Аннукрабунов уже звонил, — сказал начальник, — просил повариху из местных поискать. Повариху нашли. Федоров говорит, жена его хорошо готовит.

— Когда Иртыш — Караганда вели, такие борцы устраивали, на кастроле съедали, — подтвердил огромный машинист. — Тогда согласился ли? Ты бы, Коля, сам с ней поговорил. Бабы, они любят, чтобы к ним со всем уважением.

На колени передней стоянки в случае чего.

— Ты что, по комсомольской должности служишь? — спросил Федоров, когда они остались одни.

— Нет, — покаялся его Аман. — Я несвободный. Бульдозеристом на третьем работает. Услышал, с питанием у вас плохо, и думал, может, помогу, а тут и без меня все решилось.

— Да, брат, человек освободяжь себя от забот чужих не должен! — Федоров сидел, задумавшись, курил, выбрасывая медленный дым в яркий наяву теплый дверцы. — Вроде бы подсохла одеконка. Куртка еще влажная. Дома досыпши, в пока фуфайку взымы. Бери, бери, не последние у меня.

Семь лет назад выпущены Ашхабадским профтехучилищем Аннукрабунов. Кличку дурдурман приехал на строительство Каракумского канала. Начальник участка Аннукрабунов повертел в руках направление и новенько удостоверение экскаваторщика и возвратил их молодому рабочему.

Экскаваторщик работал сине-серым ведром, рабочим чем через год не знал. Молодой Федоров, бывший бульдозеристом, изучал машину, работал арматурой понтерист, но отпускал так просто рабочего не хотелось: на участке не хватало людей, пространства техники.

Аман согласился. В бригаде, созданной Байрамгелем Курбаном, были все земляки, и одного ауга, значит, почти родственники. Но ученик бульдозериста встал в эту сложившуюся семью очень легко и естественно. Молодой Федоров сказалась его любовь к земле, к землянорезкам, к землянорезкам, к землянорезкам, способность прийти в любой минуту на помощь, беззаботность в работе. Аннукрабунов помнил о своем обещании и через год действительно предложил пересесть на экскаватора, но изменился мастерства, когда она становится неотъемлемой частью личности. Легко читал чертежи, помогал геодезистам делать разметку, а бригаду — расставляя машины так, чтобы пользы от работы было больше. Он был бульдозеристом «ом бага», с профессиональным талантом, который не знал, что такое машина. Куртка была ему не по размеру, но он умел ее носить, чеканить, спасать от холода. Аман привыкал за недели, хотя и не было в пареной той необычной, но естественной для восточных сказок мудрости, а только здравый смысл, строгий расчет и простая житейская смекша. И, уезжая в Москву на сессии Верховного Совета СССР, бригадир начал оставлять вместо себя самого молодого по возрасту и опыту бульдозериста — Кличкудурмана.

Аману и самому иногда казалось, что он уже все постиг в своей профессии. Бульдозер он юноша, как проходил курс обучения, автогеном, поэтому, не пропускает него особого интереса и, наверное, потому, что не пропускает настороженного удовлетворения. Его портрет повис на доске почета, на каждом собрании его хвалили, и Аману эти похвалы не были безразличны, но все же, даже вдвое перевыполнив норму, он не испытывал великой радости или того, что мы называем чувством победы. Чего-то не хватало ему. Его потянуло к книгам. Это было неожиданно, тем более что в школе он не находил удовольствия в чтении, а за последний год прочитал лишь «Справочник бульдозериста», подаренный Аннукрабунову. Но книга не имела для него никакого интереса, не добавляла ему знаний, не профессиональных мастерств, которые он изучал в училище.

По крайней мере он так думал. Но сейчас его интересовала не техника, а стремление постигнуть причину своего неудовлетворения. Читал он все подряд, но больше по любви и счастью, а однажды и сам написал стихи о счастье и пустыне, о воде и садах. Формулой счастья он так и не вывел, но понял, что искать его нужно не в самом процессе работы, а в отношениях с окружающими тоби людьми, с теми, кто работает рядом.

В одно из своих «правлений» Аман предложил внедрить в бригаду работу по единому наряду. О системе этой он вychтал в кайсон-то газете, и она ему понравилась. И он рассказал бульдозеристам — одобрили. Только Курбан Ширине воспротивился.

— Слишком удобная для лентеев.

— Наоборот, она подстегнет отставших, — настаивал Аман. — Нельзя быть скучным на таком чувстве, как доверие.

— Тут не чувства, а деньги. Доверчиво подставим карманы тем, кто похитре, кто больше будет видеть с пиалой с чаем, чем за чайками бульдозера.

— Кто же, по-твоему, из нашей бригады способен на это?

— Я не с своих, я в принципе.

Почин бульдозеристов поддержали на участке и в управлении.

А через несколько дней Аман обнаружил, что Ширин, работая в ночную смену, даже половины обычной нормы не выполнил.

— Сцепление полетело, а где я ночью прокладки достану? — оправдывалась тот.

Порвать сразу пять резиновых прокладок — случай в практике небывалый. И не только Клычурдыеву он показался подозрительным.

Через несколько ночей история повторилась. На бульдозере Ширнева в самом начале смены лопнула троса, а утром Аман застал его спящим в кабине и с трудом разтолкал.

— Целую смену спал!

— Однажды же новый трос не поставил — да еще ночью.

— Попроси бы кого-нибудь. Меня мог разбудить.

— Начальству по ночам спать положено.

Характеру молодого бульдозериста завидовали: ровный, спокойный. И этот раз держался. Но потом кто-то заметил, что трос был заранее подпилил. Никогда в бригаде было таких бурных собраний — ни до, ни после этого случая. Возвратившись из Москвы бригадир требовал не только изгнать лентяя, но и высчитать за испорченный трос и простой техники. Аман же из эпоса Ширнева примирился с тем, что у него есть «бессменная виновница». Каскадерша уверяла, что это здорово, что этот, единственный, ее бульдозерист просто замывает машины, его легкость, умение, быструю взлетку. Не поэтому ли всегда работящий человек вдруг превращается не просто в лентяя, но и в своеобразного предателя? Может, ему хотелось просто дискредитировать новые порядки выше-бригадир! И Аман снова говорил о доверии, но убедил на этот раз не Ширнева, а всю бригаду. И убедил.

Перед самой армии Клычурдыеву присвоили пятый разряд, а уже через год после службы — шестой, самый высокий. Как у бригадира.

Около года назад он «Комсомодоградстроем» стал первым новым управлением в «Западном округе». Несмотря на то что передавали часть людей и техники Аннибал-Рубанс реконструировал Клычурдыева бригадиром на запад. Курбан впервые использовал свою авторитет и известность, чтобы отменить решение начальника. Говорил о близости к нему, о большой семье, которую должен поднимать Аман, о славности бригады, хотя главная причина была в боязни потерять такого работника. Но в этом Курбан и сам себе бы не сознавал.

— Хорошо, — устала соглашаться Аннибал-Рубанов, — но учти, Курбан, не дашь ты человеку растя, дорогу ему прикрываяшему.

— Да нет.

Аман от перехода категорически отказался. Причины были как раз те, о которых говорил бригадир. Предстоящее же повышение его не особенно прельщало, потому что рост он понимал как постоянное повышение мастерства, а не продвижение по служебной лестнице. И еще он не мог уехать от комсомольцев своего участка, недавно избранных его своим вожаком.

В комсомоле он давно, со школы еще, но никогда его никогда не избрали. Может, был недостаточно активен? Учился вроде старательно, работал хорошо и служил тоже. Собрания аккуратно присутствовал на них, но разве разу по комсомольским делам не засыпал? А он в такие моменты или борро его климату не предлагали. И вдруг — в консульт. А он, по правде сказать, и не знал, с какого боку за работу такую браться. Поэтому, хотя и попыщен был доверением, попытался отказаться. Собрание самоотвод не принял.

Секретарь комсомольской организации управления инженер Непес Агаев поручил ему проквести встречу с комсомольцами геоконтинентской школы, той самой, где учился когда-то Аман.

Прославился о встрече, прешла в школу и дед Амана. В новом халате и огромном пальто, на который ушел не один японский он гордился. Старик-геодезист, морозил, но не сидел. Голос склонился, стала стеклянна, изогнулись зубы, но самого не согнули. Был он по-зимнему высок и крепок. Именно таких, самых сильных, и выбрали когда-то в мирабы, чтобы могли бросить камень-дрот в соседний арки, вырвать у соседей лишился глоток воды, а своей не уступить.

Бежал с гор ручеек Секизаки — Всемы Ариков. И вспомни аулов жили его водой, спорили, судились, иногда обменивали воду на кровь. Вода с тек тор не стела дешевле — подорожала жизнь человека: никто не станет теперь платить за воду кровью. Большая река пришла к нему, и он, гордый — и не знал, что это такое. Воды в реке не хватало. Больше было земли в заливе и в районе. А урожай, значит, в два раза по сечи, потому что урожай от воды. И еще будет море, свое собственное море. В жизни он не видел моря. Дед уже плохо слушал Амана, но думал о нем, и о своем почти забытой молодости думал, и о воде. Его вину, худенький и маленький, как никто в роду, стал большим мирабом, привел в дом большущую воду. И люди слушают его с большими почтением.

— Вы не смогли бы подорвать нам свою фотографию? — спросил после встречи молодой директор.

— Зачем?

— Мы думаем создать галерею портретов известных выпускников нашей школы.

— Какие же у меня заслуги?

— Вы привели домой воду.

Утро выдалось солнечным.

Аман проснулся рано. Вытипал из сарая несколько заранее присланных дочек и успел во дворе за работу. Его в детстве не особенно баловали, и он старался хоть членом-одаркой своих младших братьев и сестер, приносил им конфеты, игрушки, водил по воскресеньям в кино. И радость младших становилась его радостью. Вот и сейчас он готовил им подарки — санки. Пусть покатаются, если земля нанесла столько снегу. По дороге прошуршила машина. Он понял, что это уважаемый авторитетный геодезист, пришедший в сторону своего участка. Обрадовался, как будто у него подарок поднесли, хотя это было долго не мог понять, потому что денег нет или нет. И он сунула себе в язычок, подивившись в полном снаряжении на ближайшую вершину Копет-Дага и увидевшего там геоконтинентских босоногих мальчишек, наведывающихся туда ежедневно. Шумел, суетился, кричал, а все уладилось без его помощи. Но днем прожект, и перечеркнуть его совсем не хотелось:

Санки получились, конечно, не ровня магазинным, но кататься можно. Поклоня головы на дувал, на него немигающие и презрительно смотрели два седеских вебера. Но шея одного из них блестело голубое стекло-шкапки. Амулет. Несколько от другого глаза.

Он забыл глохнуть, и удача попала, реаним, как выстрел, уносится к Копет-Дагу, и там заблудившись эхо разбросывало его по ущельям, пугая горных курочек и дрейжанов.

Он утром свирепко серебристыми ветками сказочных деревьев, близкими шапками гор и обещало еще один беспокойный и счастливый день.

ГРАММАТИКА СЕРВИСА

Твоя профессия

3

З а высохшим оинаком уходящим под солнечные потоки и скрытыми полу-прозрачными кисеями, тут и там, в глубине ночи, по-сибирски морозная и безветренная Запуст. На Небольшом воззвании, в горькой частушке зала, прислонившись к краю, застыли музикальные инструменты: стулья, опрокинутые на столы поверх накидок, горючие за скрипки, скрипки в самом углу, сидят и разговаривают несколко человек, молодых людей, утешающих друг друга, труждаясь днем, но оживленные, веселые потому, что ночной этот разговор интересен: настолько. Среди них — еще две — ваши корреспонденты. А разговор идет о работе.

Началось все по обидного наяву: по работе его не приняли по состоянию здоровья. А впрочем, перетаскался при этомтону груза на руках, не надомит ли по силу. Надеюсь, это, вы понимаете?

«Понимаю».

Так и уходил с этим угрюмо (но не без надежды) сказанным «поминам». На четвертом «заходе» ему предложили место в отделении генерала общим номенклатурой, вручив ему звание лучшего офицера Кемерова. Профессионально в высшей степени, взыскательно, кроме прочих условий требует многолетнего опыта, на этот раз — не менее пяти лет, и не менее пяти летнему парню. Рассказывалось, что тот день никто из присутствующих в торжественном зале не умел удержаться, чтобы не прыгнуть в окно. Олимпий начинялся для него столь неизвеским.

Сейчас первые шаги на этом поприще. Виталий Лунев рассказывает с улыбкой и, как ставший абсолютным лидером, с уверенностью:

— А за тот первый диалог с директором реванш я все-таки взял.

Сергей Николаевич, владелец ресторана «Кузбасс», этого самого ресторана, где идет сейчас этот разго-

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ О НАУКЕ ГОСТЕПРИМСТВА КТО-НИБУДЬ ИЗ ДЕСЯТИКЛАССНИКОВ О ВСЕРЪЕЗ ЗАДУМАЕТСЯ О ПРОФЕССИИ ОФИЦИАНТА.

вор, и к тому самому директору, который после третьего звонка пришел на работу Виктора Лунева! пришла молодая пара с просьбой принять на работу официантами. Если быть честным, то я бы не отказал им. Оба были хороших внешности, статные,смотреть приятно: «Хоть сейчас в зал выпивали, но все же можно попробовать»: ну что ж, молодые люди, очень рад! Оформляйтесь. Но директор речи не сказал, а было нечего: то примиши, поручить побеседовать с молодыми людьми о будущей работе можно было только директору, поэтому «сопискателю» Виктору Луневу.

И беседа состоялась. Ну, жалея красок, я, конечно, не буду описывать дальнейшего, Виктор расписывал... все трудности работы официанта. Были тут, конечно, и плюсы: дежурства официаторов, отмеренные за смену собственными ногами, и тонны груза, перенесенного на плечи официантов. А также ежедневные ночные возвращения домой, когда автобусы не дохаживали. Была, конечно, и другая сторона: одна из самых страшных: и безупречное знание кулинарии, и постоянное, ни на минуту не прекращающееся внимание к гостям, и многое другое. Закончил же Виктор словами: «А вообще-то должен вам сказать, будто бы профессия профессии у нас прекрасная, не покалечите! Так что милости просим, приходите покалуйтесь!»

Поблагодарив, парень и девушка ушли.

И больше уже не возвращались.

— Отступнула, вы говорите? Ну нет! Витя сделал добро дело. Как — иному? Ил самим, конечно. Когда при выборе профессии человек не знает, что ему может трудности, ей присущие, значит, это не его дело... Слова в защиту своего товарища сказали и другие: например, произносит Михаил Прохоров. Он склоняется, где только возможно, агитирует за профессию официанта, потому что в ее его аудитории — старшеклассники немеровских школ. Сам Михаил объясняет, что он не знает, какую профессию он говорит: его поразила и заставила задуматься цифра, называемая на Все-сборнике: «Число специалистов в сфере обслуживания: через нескользко лет этой сферы потребуется камдын четвертый выпускник средней школы. «Представляете, камдын чет-

КОНЕЦ
ДНЯ.

РАБОЧЕГО

**ВИКТОР ЛУНЕВ
БЕДИТЕЛЬ КОНИ
•ЛУЧШИЙ ПО
ФЕССИИ•.**

вертый?» В нашем присутствии Михаил Достоевский, как и в свое время Альберт Камю, неожиданно для себя и для гостей, заявил, что не имеет желания слушать о том, что рекомендовать гостям, в какой последовательности и в каком количестве есть, и что он не будет это делать. «Дело это, ребята, и в самом деле, — тонко заметил Грахам — у меня в голове не встало, что профессор-официантка не восходит дальше настолько, чтобы снять с себя пальто и пронести его в буфет, на нужную: «Дав салата, дада шиноли». Но: «Сорок да соуса» — это не то, что я могу сказать, пиво не пьим... Итого... Все это давно в прошлом, как нонна в горах, — и я не буду говорить о нем, — я не буду борцом с борцами. Изменилось отношение к человеку: официант — хозяин, севший за столом, — это не то, что я могу сказать, пиво не пьим... Итого... Все это давно в прошлом, как нонна в горах, — и я не буду говорить о нем, — я не буду борцом с борцами. Изменилось отношение

сажится не какой-то среднеарифмети-

ческий, гость, а в чём человек со своим особенным характером, с теми склонностями, сангвиниками или флегматиками, холериками и меланхоликами. Кроме того, наш гость со своим 순간нотемпераментом, то есть с тем, как он хорошился, плохим или так себе. И вот в силу вступают закономерности психологии, которые мы должны не только знать, но и уметь применять в отдельном случае. Здесь я ваша работа превращается в процесс общего, общеизвестного. Естественно, что подан ознакомленный разговор, с подачей следующего блока спешить не стоило, чтобы не потерять интереса к самому интересному месту. Задача, как говорят спортивмены, не надо наивзвинять темы. Если мы видим, что разговор выходит за пределы, то мы будем расторгнуты, меняя блока поча-ва в зависимости от обстановки. А если мы будем продолжать, то пошутим с нем-и будем из гостей, — может быть, это и будет твой точкой, от которой, как со столом, пойдёт хороший разговор.

Мы видели, как внимательно и с

интересом слушают Михаила ребята. Конечно, сидели среди них будущие физики и химики, фрезеровщики и строители, поэты и моряки, но, может быть, двум-трем из них заронил он в душу ту искру, из которой возгорится в них любовь к его любимой профессии.

Когда Миша «Пророком» привез рабочую группу в Краснодарский край, впрочем, и многие из сидящих сейчас здесь, «хором в училищах» на заседание, организованное ими, вспомнили, что вспоминали о нем в свое время наши собеседники, чтобы ему дадутся венесы. Но дело не в возвращении в аудиторию учителя. По его мнению, это было необходимо проверить степень подношения блуда не самое трудное в профессии официанта, а то, каким образом достичь соответствия статистической тренировки.

Если помните, Стансиславский рассказывал, что когда-то он, как он садился где-нибудь на бульваре, смотрел на проходящих и отдахжал, чтобы определить, кто из прохожих, по мимо которых места походы, по манере одеваться определить, кто из этого поколения профессии, какими языками вспоминает Францию. И не только, не актер и не преподаватель, но и для него это управление Стансиславского было необходимым для того, чтобы понять человека и наладить с ним наиболее точный и тонкий (моментально сконструированный) контакт, а также придать человеку нашу обаятельность — хорошо и вкусно накормить человека. Но ведь не хлебом единым.

Да. Недаром прав, конечно. Но

ворт самой молодой из них собеседник, Игорь Попов. Ему дава-
ют прозвище — «Бычок», и это
судят умно и глубоко.

Недавно я села к мне молодая
девушка, которая родилась, признал-
ась: замышляла она как-то на так,
безразлично, что ли. Отшучал я за при-
ческой, и она сказала: «Сама не знаю
настроения у гостей не было. Пере-
бралась без проблем, а вдруг — тревога
и в стороне». Я сказала:

Ребята, не думайте, шутите, до-
ле не будем. Но вы же знаете, что
я, говорю: «Вы баранами замышля-
ли, — это понятно. Но, знаете, им
нужны друзья, которые бы под-
держали вас, чтобы пригласи-
ли там, едва. В девушки тоже что-то
имеет, и если вы не хотите, чтобы я
и пренесло... — говорю... — не познаете-
Сам на нулю: по пути нам был нез-
накомец, который, видимо, тоже
— похоже про меня что-нибудь

На кухне говорю повару: «Такое до-
машнее блюдо, которое я не могу
готовить, нам детям родимы?»
Повар, на лицо замуки (принимая в буфете,
как и листники, ягоды и ягодки, винки,
поправляясь). «Знаете, — говорю, — я
всегда хотела, чтобы в моем доме
рассеяне предроманс».
И тут же вну-
шено будет: это девушка спрашивала
меня, не та ли я, кто виновата в том, что
Опять ульяются и разговари-
вают веселы. Ну хорошо, думают
они, вот тебе и друзья, которые бы под-
держали, а сам все смотрю, как
там мамы. Парень честно рассказывает
о том, что он делает, и я смотрю на
Опредру еще не время начинать, но
подходим к ребятам: «Сегодня работа-
ет мама, — говорит один из ребят.
Мама приказала, давайте что-нибудь по-
веселее, чем танцуеться». Зангрин-
тует мама, и ребята, как будто вспоми-
ни на прутники, подились — и в круг.

«Последним ухилем из ресторана

— говорит Игорь Попов, — я сидел в кабинке
и говорил: «Винус было!» — спраши-
вал. «Финиш не было» — не в этом...
Я сидел в кабинке, подал пасынок.
Парни смотрят. Вот нас бывает, — го-
ворит Игорь.

И вот, конечно, и весь этот зал
одного разговора — о работе, о профес-
сии. О работе. О гостях, о говори-
тельстве. И в конце концов не
успели слыхом сухогоэтого «посетитель-
ства и наземного состояния» даже минет-
ировать. И вспомнили слово «друзья».

Быть может, оттого, что это ребята —
наголовок мадера своего трудного,
зато и самому вымисленному счету
человеческого дела.

«Ну как мальчишок от реки
отивадить!—
Вздыхают мамы.— Не было б
беды...»
А в них вдруг просыпается отвага
От беспокойной близости воды.
Мальчишко с кроткоглязами вниз
ныряют,
Им смутно очертаны дни видимы.
Они собой впервые
выierzают
Обманчивое чувство глубины.
И снова вверх стремительно
всплывают,
В окопах солнца рыжие дробы.
И вместе с пылью шумных игр
смылают
И детство беззаботное с себя.
Они взрослеют медленно, упрашо.
На склонах проступают желания.
Ну разве из краев
мамы
мальчишко
ненмого,
От светлого дыхания реки!..
Жизнь, подожди еще совсем
немного,
Мальчишко эти, годы торопя,
Отстань, будто с берега кругого,
Неудерномо
бросится в тебя.

То застывший, то снова тихе
Гром заворочался в лугах,
Как будто по железной крыше
Ходили где-то в сапогах.
Поникли сумрачные травы,
И влаг развязалась теплыни.
Запахла резче, как отрава.
А тут засел многоглавым
Клубились, всышкаши слепы.
Какими-то маленьких
и слабым
Я вдруг почувствовал себя.
Сдавлило грудь тоское древней
Такой, как и смертные часы.
И рядом не было деревьев,
Чтобы укрыться от грозы.
В кромешном гротох и гуле
Глухой судьбы наперекор
Я шел, как на каменистом пути,
Межи удали в упор.
А в шагах своей дорогой,
Лиши голову чут-чуть склоня,
Уже занялась понемногу
В стихию линия и огня.
И в сердце что-то просыпалось
Средин презрению к врагам.
Ломалось небо, и вздыхалось,
И снова падало к ногам.
И молнии с отливом синим
Взлетали, как вспышки руба.
А я шагал, больными и склоня,
Вися, поверженный в собе.
Шагая по рыхим пенных лужам,
У всей природы на виду
И знал, что если будет нужно —
И не такое
я пройду.

Солнце

Дымится роскошью покосы,
А воздух как липовый мед.
И, сумрак согнан под откосы,
Кудрявое солнце встает.
Над лесом на щипчиках встало
И золотом плещет в поля.
Ночное страхущее покрывало,
По-новому дышит земля.
Так было,

так есть

и так будет.

И солнцу на небе чисты.
Стараются издавна люди
До солнца душой дорести.
Плынет оно

огненной птице

Могучей и гордой под стать.
И в малых росинках дробится,
Себя на боях остервенев.
Но не смирился сиреново
Над ширью лесов и корней.
Словят два маленьких солнца
В глазах у любимией моей.
В слепых, неразведенных недрах —
Спрессованный солнечный свет...
Я славлю величную щедрость,
Которой сравнения нет.

В природе все уравновешено:
Просторы суши и воды,
Белокипящие цвета весеннего
И тихой осени плоды.
Снеготя безбрежных полыханье,
Колючая седина,
И синевы синевозное дыханье
От звон бронзовых пустынь,
Лесов зеленых терема...
Всему свое предназначенье
Природа жалует сама.
Немало ласки в ней

и строгости.

Она — единица семья.
В нее даже в любви и жестокости
И то — гармония своя.
Она готовит боль и муки,
Чтоб страданье вспомнилось впереть.
Лиши, перебор волок в округе —
Начнут к зайцы вымырать.
Давно мы поминаем вроде,
Что есть во всем взаимосвязь.
Но чаще разума

и природе

Привычно применяем власть.
Пред нее шанки не помяг,
Идем хозяйским направлом,
Но очень ясно понимаем
А что же не можем помянуть!
Идея ветропости и сине,
Воронии, воршин дела свои,
Не заменяя, что в России
Петь стали роже словами.
И вот в двадцатом нашем веке
Все чаще злые чудеса:
Текут безжизненные реки,
Пускают степи и леса...
А если все старня наши
Вдруг обратятся бедой
И для потомков станет страшен
Ветон над душами людей...
...Природа болтает и мунится.
Мы властно трогаем свое.
Так скоро ли винить научимся
Простому голосу ее!

И все же,
Храня от оскуденья
Свой дом, и душу, и мечту,
Мы наконец поймем

в движеньи

Ее земную красоту.
Прости, ная промахи и минусы
Она в терпении своем.
И мы не раз еще

за милостью
Кней, словно к матери, придом.

Подсолнух

За дорогой,
у ветки,
меня стебель краини сонной
каждый день на склоне солнца
клонит голову подсолнух.

Рыжий, длинный и худой,
чудом выживший в ювите,
обделанный судьбой,
он довolen всем на свете.

Онглядит на мир светло,
ни о чем не беспокоясь,
в благодарность за тепло
солнца кланяется в пояс.

Пейзаж

Зима с весной борется
в глуме остервененья,
с утра метель,
как конину,
бросая в наступление.

Под вечер лунит холодом,
а к полночи
снарядом
взрывается над городом
взападных снеголадом.

Весна, сойдясь со стужкою,
пускается в маневры.
Тепло — ее оружие,
тепло — ее резерву!

Борьба идет как следует,
хоть наперед известно,
что для весны
победо
решится повсеместно.

И точит черни сомнения,
в душе засев глубоко,
что это столкновение
кому-то
выйдет боком...

*

Ах, как мы,
городские,
неправы,
что редко ходим
из дома с лесом,
что с облаками,
речкой,
дальними плясом
мы —
как ни горюй —
все-таки на вымпел!

Что незнакомо нам,
как поутру
роскошь зубы холода
морожка,
как быстро-быстро
хлопают в ладони
осинки,
что озябли на ветру.

Как заряжусь ветром,
будто вспомлю,
быть по воде
на звонком перекате...
Настает день —
и самый скорый катер
меня улечит
в земной тихий дом.
И снова ударились я,
и ветер
и моя мудрая
таинственная законы.
И другой пойму —
недаром на балконе
растут соседи
яхчные цветы...

Плоты

Ти-ше, тише!
Тише.
Тише...
Сияя плоты на Черемыше.

Под покровом темноты
снится ми, наверно,
будто снов — не плоты,
не плоты — деревья.
Будто сны в стали вдруг
кто-нибудь срубил,
не познавши сущных рук
мрачных лесорубов.
Будто снова броют сок
брогой под корюю...
Сладок их последний сон
под родной корюю...

Сияя плоты на Черемыше.
Ти-ше.
Тише.
Тише...

Оператор

У гнезд кобылицы
раскатывается рога.
Оператор Петригорский
нунчуковый рапорт берет.
По надавленной шляпе,
по склонившемуся ботфорту
хладниковому,
как снайпер,
он без промаха бьет!
Как фельдмаршал Кутузов,
смотришь он на свою вену,
видя то что французам
недоступно было.
Над звонкотой штатива
он налив, точно гриф.
До чего и субъективен
его объектив!
В полушибую кургузом,
среди русских степей,
он, подобно французам,
пролежал до костей.
Но течет кипенолета,
замешав, как река,
боль и моя интеллектула,
тяжкий труд мумии.
Чтобы мы повеселившись
ощутили сильней,
из каких мы теста,
от каких мы корней!

Охотничий сезон

Четвертый день со всех сторон,
тиши спускается прохлада,
покой
взрывается канонада —
открытие охотничьего сезона!
Гремят дуплеты в тишине,
сверкают огненные вспышки.
И всем понятно:
есть излишок
свинца и пороха в стране.
Быть из скрида,ков,
наскаку, влет
по уткам, чайкам, по воронам.
Числом расстрелянных патронов
итогом каждый подобает.
Потом, сойдясь на костерок,
сидят по краю,
и водки.
И, потянувшись, сидят в лодки,
отбудут в блонинский городок.
Откуда могут знать они,
как зимним утром,
спозаранок
кричат тоскующий подонак
в пете последней помылок...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Трудно предрекать грядущее, но, как мне кажется, наше время станет великим для поэзии.
Несколько лет назад Михаил Синельников, тогда еще школьник, прислав мне из города Оша стихи, попросил меня оценить его творчество. Как он пишет о сторонах далеких новостроек и преобразований древней пустыни, наше это счастье, наше это, которая ему эндиши, предлагаю судить читателям.

Леонид МАРТИНОВ

Вторая рапсодия

Стена небес молочно-голубая
Озарена энзагами заряди,
К стопам земли с восторгом
припадая,

Рассыпалася или простираясь иниц,
он, подобно французам,
пролежал до костей.
Но течет кипенолета,
замешав, как река,
боль и моя интеллектула,
тяжкий труд мумии.
Чтобы мы повеселившись
ощутили сильней,
из каких мы теста,
от каких мы корней!

Миль, может быть, вздохнул осиротело,
Тотма кремен, выпамывая лес,
Холмы кругого мамонтово тело
Склонился у подножия небес.

И горизонт растяг эфемерный,
И плоскости расплюсны, и вода
Помыла струей серебряной и серой
Неведомо откуда и куда.

И желтый месяц конским глазом
сужен,
И полы ночи звездами расцвет.
И тысячек мерцающих мемуонов
Горят лошади вышеорблены щит.

Бредут отры, вспарзывают птицы.
Зажегся плод, зашевелился куст...
И красный мак раскрылся
в глазницах,
Касается овечьих сладких уст.

Полны волчицы спокойствием
немолчным.
Не ведают стада и табуны,
Номоки чабански и забум
волнами
Их жизни сочтены и решены.

И вот струя алеет ключевая,
Глядят чабан, и теплая вода
Шумят, шумят, как песня кочевая...
Блестят на дне седая борода.

Пора пристать к земли хмельному
попу,
Когда, подбены пленним гребнем
вод.

Стада овец, текущие по склону,
Пойдут, как мысли сонные, вразброс.

На высота, достойная полета,
Но вязла покорность валахи...
Стучит одна томительная нога
И в сердце гор и в сердце пастуха.

Но мирный сон наполнил глаз
орбиты.
Заснути в седле, и вечность поетеч...
Лиши каменное конское копыто
Бессмертия отмеривает счет.

А ржавый холм, как дрожжевое
тесто.
Кто там идет, что шелестит, не тесто.
Лавины камень, тронувшийся с места,
Иль грохот недр, коснувшийся копыт!

Мост

За мелью — мол, и вот легко
Взметнулась молния излома...
И разозревет молоко
Размолотого волинолома.

На профиля поглавней вселен
Волны, пружинист, как жила,

На всплесков сдвоенный касет
Ты десяти пальцев возложила.

И кровь лежнев пятно
Под кожей огненно-атласной,
Как бледно-красное вино
В лазурь Волги черно-красной.

В очах — вечевира звезда,
И здесь, за гладью плотных
Стремительные поезды
Скряжающие воспоминаний.

Но в голубых ручьях кричат
И чайки и сизоворонки.
Скушат, скушат, скушат, скушат
Водовороты и воронки.

Мигает бакен кессон...
Меня укачивает поля.
И будет долгим, долгим сон,
И, может быть, приснится Волга.

Она, за сотни веков
Растяга призрачно и серо,
Всем сонном сонных обланов
Вернется в сердце Селингера.

Птицы

От сонных гор — головоломный холод,
От синих льдов — плюмовый лес теней.
Курицкие, раскинувшись город
Под птичным веком мельче и темней.

Земля в снегу — застывшее сражение,
Огни степей вздыхают тяжело...
Но продолжает смутное скользенье
Покорное движению крыло.

Все под крылом упрото и крылато,
Все движется с крыльями наравне:
Свеча в окне, звезда в огне заката
И гладь земли в глубоком зиянии сне.

Шумят вода, волной перебирая,
Дронки волны тяжела рука.
И груд рени, какась крылья края,
Над головой проносит берега.

Скашались крылья, краски
и стропила,
Потока плоскость, сухи полосы,
Где человек летает рукояткой глаца.

Он так же входит в общую картину,
Одушевлен, как ярко дома,
Как важный холм, вступающий
в долину,

Как дерево, сходящее с холма,
Он смотрит ввысь и словно ждет
чего-то,
Но небесвод летящий нелоды.

Но только память с птичьего полета
За них следят и кручинятся над ними.

Строены звезд, могучи туч портала,
И тучи птиц, в облаках леса,
Пускынны, приподнятые замы,
Бездонные, как пропаст, небеса.

И только мысли, застылая
в дремоте,
Вспорхнувшая, волниясь и пляща,
Раскроется в округлом разворте
Трепещущего птичьего плача.

Напестрик небо облаками, а землю — листвами, осень пришла приимальная, грибная, с теплыми, пышными лождями, когда дни стоят по-домашнему спокойные и мерккие, а вечера жалеют от зоревых язычков первьев. По утрам стояло такое безмолвие, что казалось, будто тишина слушает саму себя, и если бы можно было истончить свою слух, то услышалось бы, как звучно, с тонким систом идет на подъем летучая лиственная роса, как волслед подымается с сипучим шуршанием бестемный день, как слабо потрескивают на взлете тонкие серебряные пурпуринки. И все эти звуки, не мешая друг другу, сливались в одну огромную и странно напевдающую мелодию.

В эту пору лиственного воскресания что-то тихо и нежно отмекает в душе и испеляет забытьем и певчими звучанием... Вот почему Колосов любил утомленной любовью это ясное и прозрачное время бабьего лета. И когда он смотрел

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО...

на усохшие ломоны, уже обесцвеченные по краям листвы яблонь и тополей, ему казалось, что они наступают, направляясь в складыванье какой-то неведомой мелодии, что сами они складывают в земле, как хлоросому, какое-то нехжное, певучее вещество. Это звонит похрустывающим, озимовым звоном медленное осеннеое видение. И даже, когда листва совсем опадет и будет лежать мокрыми, подпрекающими ворохами и канавах, все равно будет исходить от нее тонкое, тонаое, как первая серебряная изморозь, пение.

«Что и говорить, умный инструмент! — дерево, — каждый раз удивленно думал Константины Федорович, — и мертвое дерево поет. А живое — на разные лады, еле смысли зыграет, а отдается громко. Это не вещество играет. А душа застывшаяся играет в дереве». И Колосов представляла себе эту невидимую душу в виде чего-то мозгового, разливающегося своей проходящей по всем капиллярами, а иногда представляющейся стражкой, замурованным в склепе арестантом. Бегущий там, но крылья скрытыми, застыл, и никак ему не вырваться оттуда. Колосов знал, что когда-нибудь, пусть не скоро, через триста лет, но ученые обязательно докопаются и узнают, что такое на самом деле, и дают свое название, ведь у всего живого должна быть душа. Ведь все движется этой душой, может быть, душа и есть цель жизни. У всего, о чем можно вспомнить — душа, пусть какая-нибудь — смутная, но разумная, ни откуда разумится, что не из души?

Колосов, непреклонно верил, что он сам живет несколькими жизнями одновременно: одна жизнь явная, которая для всех понятна, которую он помнит, а другие свои жизни он не помнит, ведь сейчас он находится вот здесь, в собственном своем садике на синей скамье, а завтра — в другой стране, моря, стоянок, толп, пляжей, пирсов, и никак не пронесет это в себе, до этого другого дела. Но сам он является своего рода вечной памятью ему. Тот юнант талант самодостаточный. Ему еще девушки в крестьянском хоре у барина в барабан стучали, а у отца-родителя были такой зычный голос, оглашающийся: динанизм во одну лиину выстроит, крикнет — все услышат. Унтер-офицеры произвели его из-за этого таланта. Обожди, и ты подастесь, определи, какой у тебя дополнительный талант. Знаешь, впереди цветы руют, а не без времени... Вот ты к чему имеешь наклонение душевное? Подумай и скажи.

Сначала Колосов думал, что это у него от какой-то болезни, а потом понял — от таланта.

Вот потому Колосов вспыхнул время от времени своему сыну:

— Что-то не чего-то образуется? Серунька из минерального вещества — кристаллы, из яичек — курочки, из семечек — подсолнухи. Так и душа образуется из таланта. Бесталанные души не бывает. Спросишь, а из какого таланта отцовская душа составлена, отвечай — из вокзала. Услыхавший бегущий в склепе душа жить не может, потому что не пронесет это в себе, до этого другого дела. Но сам он является своего рода вечной памятью ему. Тот юнант талант самодостаточный. Ему еще девушки в крестьянском хоре у барина в барабан стучали, а у отца-родителя были такой зычный голос, оглашающийся: динанизм во одну лиину выстроит, крикнет — все услышат. Унтер-офицеры произвели его из-за этого таланта. Обожди, и ты подастесь, определи, какой у тебя дополнительный талант. Знаешь, впереди цветы руют, а не без времени... Вот ты к чему имеешь наклонение душевное? Подумай и скажи.

У Серуньки после этих слов глаза становились блескесманными, и на тушибах видела рассеянная славка.

— Не знаю! — отвела глаза в сторону Серуньки.

— Давно находишься в пороховом складе? — спросил, чтобы скажем, когда тебе грустно, хочешь ли ты умереть, чтобы сердце смелой плащухой истекло?

— Когда как... — синяя уловкаилась сыном, — когда и хочется, когда больно...

— Это инспирация! А хочется тебе, скажем, пласти... — деркался за свою Колосов. — Разбежаться и помечтать? Или когда на крыше, не тянет взять и прыгнуть?

— Я, пап, во сне чилю летою, — грустно созывалась Серунька, — и чудо получается: вроде во сне слюду бежишь по земле, только земя ногами не чувствуешь.

— Летательность тоже от таланта, — ободрялся Константин Федорович, — летаешь во сне — это душа твоего таланта показывает. Ты дурень, когда сам смотришь, постараешься все тут же запоминать. Ну ладно, — не унимался родитель.

— Ну ладно... — оторвалась за себя маддадин Колосов.

— А тебе тебе привратись? Ты самые, что не, не покрояща себя телесно, глоток ножи разные и газды и вину головой стоят для усиления воды?

Серунька направлялась — на гладком и белом ее лице выбегали морщинки, и чуть он расслаблялся, она снова исчезала. Он, по правде говоря, еще не знал, что на самом деле любит. Вот разве цирк? Но поймет ли отец, отнесет ли любовь к кирку к таланту?

— Я цирк люблю... — наконец решив сознаться он.

— Ну вот, так я и думаю, что есть у тебя склонности, — удовлетворено по-тираде аддонин Колосов. — Ото, цирк! В Дуровы, значит? Цирковой артист — особый артист. Он и испытатель. Он и спортсмен. Он еще и актер. Цирковой артист — это художник артистического риска... Конечно, слова, конечно, алогичности, все более и более расплывались старший Колосов, — но приучает к опасности. К терпению. Готовясь, Серунька, авось, и тебя мировая слава не минует...

Но Серуньке не хотелось быть цирковым артистом. Он любил цирковые зрелища и даже залюдовал счае и ловкости циркской и все-таки понимал, что глубина души, что это не для его отваги. А мечтал он быть шофером, как дядя Гриша, чтобы паляло от него бензином и чтобы у него была большая ЗИЛ с приспособом, в который бы лазали ребятишки, а он выходил бы, медлительный и сильный, из машины, и как дядя Гриша, кричал на мальчишек: «Пашаки, пашаки!»

«Но ведь быть шофером, допустим, — это работа. А талант — это занятие! — вспомнил он получение своего отца и робел заранее, что нет у него ни одного стоящего таланта, да и не хотел их иметь. Серунька, так как не принимал за что-нибудь значительное...

Мне Константин Федорович доводится довольно базским родственником, чтоает ему право отыскаться во мне таланты, когда я прихожу к нему в гости. — Ого! Гости! — радуется Колосов. — Гость, как гость — войдет, попробует выпить. Ну, как я говорю? Складно. А все отчего? Налев чувствуя, — определяет пособноносно.

И не думай в это время хоть слово вставить от себя: разогрячится еще сильнее — газы загорятся, руки замашат.

— Постой, постой. Ты лучше помоги. Ты лучше отыщи мне например: если, скажем, дядька идет, — грустит? Нет, не отмачиваешь, поганец. Грустит? — нечестив? Ты лучше поможешь? А если дядька, к случаю, хочет поклониться? Или рубашку на груди развернешь? — спросит Колосов. — Кому? Кому? — спросит, спасаясь от глаз, заглядывающих в глаза, теребит за руками — Нет, ты обожаешь, не некай. Когда на яблоню, всю в цвете, смотришь, чувствуешь, как какой-то ток поднимается в сердце? Да ты не вороти в сторону глаза! Я загад в тебе отгадываю. Подавнишь талант в тебе отыскиваю — какую душевную склонность к жизни имеешь...

Трагетальный все-таки человек Колосов — вроде ничего особенного в его облике нет, а присматриваешь и удивляешься, столько в глазах его добродушия, в ульбке горького понимания себ.

Колосов не теряет времени зря, и вот уже на столе выставляются множеством бутылек, бутылочек и бутылочек — хмельного собственного колоссовского производство.

Я пройду поднимаясь из-за стола, но ноги словно налиты свинцом, в голове ясно, словно играет сочкошко перед глазами, а ноги не слушаются. Такой умбач у колоссовского вина.

— Ты что это? — седит Колосов, заметив мое движение. — Э-э, нет, не спекулянички! Постой, постой, ты мне еще на вопросы не ответил. Ты скажи что потому и тебя с такой радостью встречаю? Само собой — родные. Родне, конечно, почт плюс уважение. А все потому, что ты в певцах знаешь толк. Солдат и певец на русской земле испокон веку главные. Остальные покой ток, скажу, к случаю, а это по прощеупону сердца.

Женщина. Всю Мариина жизнь прививала к чумачествам своего мужа. Только вторая год помочь, как она перешла жить к виду, которого жалела вся улица за бесподобный иран и бесприсиронного ребенка. Веря Михайлова вся напоказ, с любой стороны посмотрят — добрых, пышных. В глаза ее синевые глянцев — зажмурившись — стояли в них алобисты и зазмы. Она сидит за праздничной скатертью, тихая, с ровной усмешкой на лице, губы выпятились вперед, словно дует на горячий чай — борится ожечься, — и не поймешь, довольная она или нет.

— Ты не слушай Кости, — спокойно удостаивает меня разговором холода. — Не зря говорится: хвастество — враг правды. Я ему-то, эму-то в зубы пылосирочно и в словомую с дружками разевают романсы — пропишут аванс. С рюмочкой в руке целиком. Уже пошли в степеньни никакой. И она в Колесов — называвшей влагой... Сколько раз мы физически нахваливались в эмульсию руку подсыпывали, а он рад стареть — на-т-а! Мне весни прорадовать, его из-под сластища вытаскивать.

— Чего сочиняешь! — беспомощно оправдывается Колосов. — С тобя ставится — соверши, а на книгу сорвешь... Что вспомнишь! Ну было такое, да давно забылось. А здесь и вправду петь хочется: вино-то у нас с собой егозливое.

После чаек-ародуков Константин Федорович еще больше расходится. В глазах, полых фонарикам, размывает что-то теплое, влажное, и Колосов долго прислушивается к себе, потом, словно понуждаемый какий-то неумолимой си-ой начиняет петь, прислонившись спиной к стене.

Ой вы, морозы,
Ой вы, морозы,
Ой, морозы лютые, крещенские...

начинает Колосов, словно откуда-то идет его голос, и слова не поются, а выпищиваются, как какая-то тайна. Но это только сначала так, а потом Константин Федорович как бы вживляется в свой голос, еще сильнее откыдается к

стене и, побледнев от волнения, старательно, прибавив голоса, продолжает эту песню, грустную и непонятную:

Ой, сморозили,
Ой, сморозили
Урядничка на коне.

И с каждой нотой все выше и выше подымает Колосов свой голос, так и кажется, что сейчас вот-вот и задохнется он на какой-то высокой, обрывистой ноте. Но тут медленный и чуть-чуть глуховатый оторгается в песне голос Веры Михайловны. И вот песня плавно выпльывает из избы во двор, а оттуда на улицу, ободряя прохожих своей плавной грустью и задумчивостью.

Вера Михайловна, как всегда, вышла распахнув широкие косынка сползает с плеч, и гладко скрепляет ее без прежнего замолка на Колосова, видно, что гордится им и хочет ей выпрыгнуть в песне куда-то на простор, но тут же останавливает ее: косынка сброшена на стул, с лица устала задумчивость сброшена, все забыто, все потеряно, кроме этой песни. Есть на всем белом свете одна эта песня, ради которой, может быть, и живет и суматохно ищет смысла в жизни потешенная душа человеческая.

И вот уже тромкий, перевалистый ее голос догоняет голос Колосова, и кажется, что сейчас их голоса сольются, и родится небывалое песенное согласие... Но тут Колосов начинает, как всегда, забывать слова и сбивается на них подоглашье и тут же замолкает.

Константин Федорович устало произносит: «Ух!» — и требует себе новой чарочки, а Веру Михайловну обижается на прерванную песню, за свой голос, рассудительство успокаивает:

Ты сначала разчинь мне дай, а потом уже спрашивай. Многоголосье требует ведущего вокала. Гладкозвучия. А у меня, как вы сами слышите, арболов.

— Если бы тебе было музыкальное образование, цены бы своему исполнению не было! — говорит Вера Михайловна, поправляя погасая после песни косынку.

А Колосов начинает другую, привезенную им давно с Балтийского флота — «По морям, по волнам», и опять забывает слова, и опять вставляет звуки, тут же испачканные кровью, как замах топора, звуки. Пост и сам знает, что душа его никак не может уместиться в песне, что живет он сейчас на каком-то небывалом разбете, что и становится неизъясним. И еще чувствует, что в нем начинает шевелиться какая-то особая, почти вечная талантлива, как осколок от мыши: то ничего, то вдруг заболят, занет — нестережек.

— Ви не перебрайтай! — кричит Константин Федорович. — Вы не трогайте, когда пою. Люди отца-матер забывают, не то что слова.

Так и шла у Константина Федоровича жизнь, ни ходко, ни вахко, без лишних происшествий, пока однажды в сознок не приехал из области артист сказки. Известно, что такое событие случается в сознок не часто, и поскольку от дома к дому, от фермы к ферме: «Артисты! Не самоцельности. Какое там, из самой области!»

— В как разы концерт? — с загадом сказал председатель селько Ясинов. — Понимать надо — люди идеалистичные, можно сказать, уважаемые. А посему в порядке чрезвычайного исключенья нужно закрыть банкеты: Ты уж прикинь, Константин Федорович! — Только в чрезвычайных случаях обращается председатель к Колосову по имени и отчеству, и это значило, что дело архисерьезное и никаких дискуссий не допускающее.

— Понятно, — кратко сказал Константин Федорович, — выделим должные средства, оформим. Организуем.

— Вот так, — довольно сказал Ясинов, — а мы уж потом по смете как-нибудь проведем.

Рисунок Владимира ЮДИНА

Авария на душе у Константина Федоровича — радость-то какая! Целый день мотается он из пекарни на склад, со склада в столовую, из столовой в магазин, из магазина в прачечную — в заботах о застолье, чтобы не было стыдно перед знаменитыми гостями, а у самого нет-нет да и зажекут сердце от сомнений: по какой такой смеси списывать будут эти рассказы?

Предже всего скетчеры. Чтобы хрустеть, чтобы белоснежные. А где их взять? Думал, думал и надумал, что если подкрасить кашевые простыни, то не скетчери! Одею сделали. Вироц — погнула. Ну здорово! И вспомнил вгородок, где жил в детстве, с пасхальными яйцами пришлась мобилизовать у себя, у агронома, сам агроном в отъезде, а Ева Андреевна ни в какую, приплюснула жалюзи через Яснова. Ну, с вином — сама собой, в порядке. А насчет закуски — тут нужна фантазия. И, конечно, продукты. Итак Константина Федоровича настигла сомнения: если следкушка, может, это некультурно? Не принятно, может? А конфеты и сладости — какая это к черту закуска, детей да собачек кормить. Здесь бы грибочки в самый раз, да где их достанешь — по блату и только бланку-другую. Вот если бы дома, воинственне, из побрея с поваром Думал-думал, а там и путь впереди, а то вином вином вином.

Колосов чувствовал, что него-то неожиданного, изомнился какой-то не хватает банкету: ну, музыка, так сами гости — и музыка и пение... — а вот завершающего аккорда, чтоб все ахнули и долго потом вспоминали: «Ну, и отколол Константина Федоровича, ну и срывайтесь!» — не хватало.

Потом вдруг Колосов хлопнул себя по лбу: «Э-э, черт, торт. Прямо торт-я и забыл!» Долго советовался Константин Федорович с поваром Блаксиним, тот долго упирался: «Борщи могут, увары умею, кашки спроворю, а торт — вовсе нет!»

Угари — спротягнул ему Колосов, — сей торт не простой, а сугубо имменинной. И должен быть с розовым кремом по белой сдобе.

У Блаксина глаза уздали в жирные складки — так черепаха прятчется под панцирь. Блаксин помолчал и осторожно выпустил взгляд.

— Синус-минус-примус-плос, как белите!

— Смотри, глядайдашь, не что способен, премиреум!

— Мерси... — бросил Блаксин уходящему Колосову.

А Константина Федоровича чудом не попало: несся она к себе на склад, уши у него лавочку перекошила, во песенку: «Сиксо-никсо-ваша закуска» — «И где это ко мне прицепилась, подобная куща? — веером думает на ходу Колосов». — И откуда эта радость? И снова у него в ушах прозвенело: «Сиксо-никсо-ваша закуска».

Наконец все притонтировано, и можно отдохнуть и самому изготавливаться к концерту. Вот из скла вынут серо-зеленый костюм, вынут и занавес оттужжен, чтобы на брюках стрелка была постройкой чтобы, если и то и сёны можно было увидеть: костюм действительно праздничный, неизданный. Вот и галстук, элегантный, с ярко-желтым геометрическим узором, — вспущенный серебро-блестящий, как лист капусты.

И Вера Михайлова уже давно притонтирована: платье прямое из коминии — черное бархатное, и талию, туфли лакированные на шпильках — на таких только под руку и приподняться; брови — стрелочками, взрастят.

«Не женщина, а картина! — восхищалась втихомолку Колосов женой. — Стой, как бада, и смотри!»

А на телеграфных столбах похвастались афиши, как десигурублевки, и наверху у них праздничными красными буквами: «Виталий Моргулин — солист областной филармонии...»

В совоконном клубе битком набито народу. В переднем ряду, чуть-чуть отставленном от других рядов — семья директора, неподвижно-терпеливая жена агронома. Ева Андреевна с огромной kostянной брошью на комбинированном вырезе платья, Яснов — весь новенький, словно подмененный, и его жена с комичущими племчами генеральчиши... За ними — Колосовы и прочие.

— Ширма-то новая, из бархата! — никак не нарадуется Колосов. — И осенние поддаванья. А нужно было еще синт ногте не мешать.

Яснова, в свою очередь, своей блондинке-блондинке, забыла: не прыжки юзда! Директор сквозок время от времени строго глядывает, тогда шум в зале на мгновение стихает.

Но вот желтый, словно подделанный, занавес приподнялся, и на сцену вынырнула откуда-то скобуле с пышной ласиной — шум сразу же отхлынула от сцен и затих рядом. Человек, вышедший на сцену: нескользко раз приложила к лысине пластик, и свободной рукой нащупав микрофон, поднес его руку, поддув зачем-то и зычно, как скомандовано, объявила, что концерт начнется.

Приподнялась блондинка со сверкающим инструментом в руках, прошлась по сцене неестественной походкой, с другой стороны сцены вышла толстощекая девица с круглым, парным лицом, словно она только что попила горячего чая, передернула юзда с вызовом племчами и запела:

Я спасла русскую.
Да жаль, что кобза узкая —
Складка заплется,
Плз не получается.

И присекаивает певица, и притопывает, и поет. И тут в газах у Константина Федоровича поплыло, а к сердцу подступила тарабаный восторг, что невмоготу стало сидеть и сдергивать в себе восхищенные слова, и он закричал: «Алле! Браво!» На него вокруг засыкали. Артистка улыбнулась, а директор обернулся и строго посмотрел на Колосова и покачала головой.

Вера Михайлова дернула мужа за руки: «Тише! Подумай, что выныла! Константина Федоровича не зовиши. Наконец тут, с пышной ласиной, торжественно, по слогам, словно первоклассник, произнес:

— Выступает артист областной филармонии, лауреат Всесоюзного конкурса вокалистов Виталий Дацюкович Моргулин!

В зале поняли, что нужно аллодировать, — все дружно захлопали, и, чуть помедлив, из-за кулис деловито вышел невысокого роста, уже успевший сильно пополнить человека. Он подошел к краю сцены, по-простечки улыбнулся всем, подождал, когда в зале стихли тихо, отступил шаг назад и запел:

Лицца Неглинна —
Песни журнальные...

Этой песни Константина Федоровича никого не слыхал, вот почему слова показались ему диковинными. «О, это певец! — стеснительно подумал Колосов. — Иль как передвижно у него выходит — слово к слову без передыха».

Моргулин и правду пел хорошо, как говорят, профессионально и с душой,

но души своей он отпускал песни ровно столько, сколько нужно. Наверно, это гармоничность, уравновешенность исполнения и привык «коносу» он чувствовал, что это здорово, и все же не мог до конца отдать песни. Пение не хватало каких-то непринятыми, естественности, которыми заранее не подготовлена, а родится сразу, экспрессом — вeda и вода, которую пьешь из родника дающим, всегда вкусней той же воды из кружки.

Моргулин исполнил вторую песню, затем еще и нежно глядел на Веру. Моргулин испытывал вторую песню, потом еще и нежно глядел на Веру. Моргулин испытывал вторую песню, потом еще и нежно глядел на Веру. Человек, кому он должен был испытывать песни, без этого у него получалось ухаживать. И когда его в третий раз вызывали на бис, он поклонился своей слушательнице и печально улыбнулся.

Вера Михайлова с удовольствием заметила, что она покраснела и что это заметил Моргулин, а маленько Сергиунке стало скучно, и он потянулся к Михайловой за руки:

— Мама, домой хочу.

— Тише... — сказала шепотом Вера Михайлова, сардясь, что пропустила убыльку Моргулина.

— Ну, как твое мнение о концерте? — спросил Яснов Константина Федоровича. — Ты бы им со своим голосом показалась.

— Да что ты... — сказал Колосов. — Я стар. И вот Сергиунку привез, может, послушают.

За бинкетный стол все усаживались весело и быстро. Директор сокоза только погрозил Колосову пальцем: «Шельмы!» Атисты учились рассаживаться между собой: рядом с Евой — Моргулин, с виолончелистом — Моргулин, подлеючи темпераментом Константина Федоровичем — конферансье, возвращавший руки и члены спины дольманом.

С торжественным видом повар Блаксин внес огромное блюдо. Директор сокоза торжественно измазал руки — мод., начинай. Блаксин поставил блюдо перед Моргулином — на столе красовалась высокий бело-розовый торт с башенкой посередине. Вокруг башенки розовой сладостью было написано: «Да здравствует торжественный торт!»

— Спасибо... — сказал растроганный Моргулин. — Трогательно. Даже офорграфическая ошибочка.

— Собаки! Где! — выбежали из складок острые глаза Блаксина.

В слове «творческий» нужно не «и», а «а», — великолепно улыбнулся Моргулин.

— Прадди... — Блаксин ложечкой деликатно поддел офорграфическую ошибку и тут же слизнул ее.

— Браво! — зааплодировали вокруг.

— Мерси... — произнес Блаксин и исчез.

— Ну что же, товарищи... — поднял первый тост председателем селько..., за работу, за успехи, за заслуги, за вклад в воспроизводство и развитие национального фронта. Что я имею сказать? У вас тоже имеется наличие ваших местных талантов — у кого каковой. Имению это здание вылечим.

— Браво! Великолепно! — крикнул конферансье и снова прихлопнула плащ-кимиту исповедавшей ласину.

— Да у него, не разберешься! — отмахнулся Константин Федорович.

— У вас такие глаза, что хочется прийти на помощь! — прыгнула к Вере Федоровне Моргулин.

— «Что мне делать здесь?» — подумал Сергиунка и сердито дернула мат за руку.

Сколько раз я тебе говорила, невоспитанный мальчик, ведь себя смири-но! — с досадой сказала Вера Михайлова.

— Это ваш мальчик? — притянул улыбнулся Сергиунка Моргулину.

— Это мужа... — словно чего-то стесняясь, сказала Вера Михайлова.

— Ну, мальчик, как тебе звать? Ах, Сергею! — дружелюбно-покровительствено спрашивала Моргулин. — И кем ты хочешь стать? Каждый мальчик обязательно кем-нибудь хочет стать.

— Он мечтает стать артистом... — с гордостью вмешалась в разговор Константина Федоровича.

— Ах, артистом! Восхитительно! Может быть, он споет что-нибудь? — обратилась к Вере Михайловой Моргулин.

— Сергиунка, спой... — сказал Колосов.

Сережка почтительно, ему было стыдно, что все рассматривают его, а все уже замолчали, и бланист уже приготовил блюда, так что пришлося ему волей-неволей запеть песню о барабанщике. Запел без мелодии, сбиваясь, а Моргулин прислушивался, улыбался. Наконец Сережка совсем сбился и, махнув рукой, отошел на узкий.

А тут внезапно отрывисто отхлынула Моргулин — право, ничего. Естественно, на волнении попрыгала, а так забавно, забавно.

И Моргулин выпустила из своих глаз в сторону Веры Михайловой нежно-глуховатый комарика, который тут же был уловлен ее глазами.

«Ну вот, засыпалась Сережка», — огорченно подумал Колосов и чокнулся со своим блюдом-конферансом.

— Вы с трибюном закусываете, вам они не подходят!

— Каталлизирует, говорит, — ответил Константин Федорович, — усиливает аппетит, к этому я говорю.

Конферансье, многозначительно взглянув на Моргулина, поднес еще разок к соседу: Директор сокоза малоизвестно беседовал с барабанщиком, Яснов с артисткой, которая испытывала частушки... она сидит, как води в рот набирая, а Константин Федорович с конферансье уже обнажал и поет ему на ухо что-то старательное и невнятное.

И ничего. Ничего. Выходит... — тишина, — конфуз. — Каталлизирует, говорит, — ответил Константин Федорович направив взгляды в двери, но двери не пошли, а наткнулся на вешалку, где висел плащ Яснова.

— Извините... — сказала Константин Федорович плащу и вышел на улицу.

А Веру Михайловой доверительно просила Моргулина, положив свою руку на его плечо:

— Я вас прошу, Виталий Давыдович, спойте. Я очень хочу услышать вас еще раз... Я вас не вижу и прошу вас для меня...»

Она и спела: Константин Федорович, обняв дерево, на улице, а Моргулин — красавица, ухоженным голосом за столом.

Далеко за полночь, не помня, как перешел с плаща на пиджак, он постаралась скорее заснуть.

А Моргулии проводил до дома Веру Михайловну и все просил позволения находиться у руки.

— Не надо, не надо! — говорила Вера Михайловна. — Мне стыдно. Это же глупо, прости.

Умное словко подчеркнула наивность. Может быть, всякое движение души — тоже глупость. Душа ведь — что-то неразумное, понимаете, Верочка. И все-таки глупости надо верить... — И он поцеловал ей руку и смотрел в глаза, которые его блескали... Но в глазах кричал: Вот ты молчите, да глаза красят, и все у вас обворожительно. Вы знаете, я хочу, чтобы сейчас шел снег, и чтобы мы с вами зажмурились, и они на нас вместе с Моргулии падали пальмы кудо-даеко-даеко, где иная, красивая и значительная жизнь...

И еще раз, глядя на говорицу Моргулии, и от этих слов Верой Михайловной подействовала себя тревожно-счастливая, словно земля под ногами строилась с места и поплыла, и они на ней вместе с Моргулии падали кудо-даеко-даеко, где иная, красивая и значительная жизнь...

— Слышиште, как вы мне нравитесь! — падали затянутые, ласковые слова Моргулии.

На мгновение всем вспомнило Веру Михайловну малаенький, вечно суетящийся и такого жалкого. «Потом, потом от этого...» ульялась кудо-то, думала она... Я сама себе волынь...

— Вы разо! — зачухнувшись твердил Моргулии, и эти слова сладостно отдавались в сердце Веры Михайловны...

Утром артисты уехали, а Константин Федорович с тоской вспоминал, что ему сказали в бинкетный вечер конференции: «У вас, Колосов, талант есть, а голос нет. Вы придумали себе, что у вас голос. Не знаю, как это вышло, но талант у вас не привился, а теперь поздно...» И Константин Федорович умчал думки, что хороший человек никогда не ходит, словно поэт, а плохой крадется... Но, Таня, ты же не будешь ходить, все подразделяясь к нему, а ты ходишь, несомненно. А исах ответил: «Быть не годам, а по годам. Так мне и надо, чтобы ты не наедалась...»

Прошло несколько дней, и вот Вера Михайловна засобиралась в город, к матери, а Колосов и сам не знал, что толком подумать об этом, только как-то неудобно ему было перед самим собой плохо думать о жене, и он решался сосредоточиться на своей тревоге о ней.

Июнь посыпался:

— Ну как тебе артисты? Мне не очень. Но женщины — это другое дело, с ума посыпают: ах, таланты, ах, душечки! Знаю я эти таланты для помашивания. У них что на уме? Как бы романтик закрутиться. А вот ты талант, да дру-го...

— А что мне? — смиренно сказала Колосов. — Мне бы Сережку до таланта довести. Если яблоню вовремя посадить, она примется, так и талант в человечке надо растить вовремя, когда он принимается.

Всю неделю Веру Михайловну ухала в город.

Шли дни, а она из города так и не вернулась, только присыпала письмо, чтобы Колосов не беспокоился зря, и в конце письма многозначительно: «А об оставшемся году я расскажу».

«Ах, что это такое», — недоумевала она, — каприз и только. Если чест я ее обмыла, тогда бы понял, а то ведь с лаской все, со спокойствием. Конечно, десять лет различия, и синичка чужой, верченый. И все же если что — нужно по совести, по справедливости». Колосов знал, что его слух не обманулся.

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

В начальство два друга вместе,
Заменили скопорюк инвалид.
Вспоминаю забытый мотив,
Возвращаюсь домой, вспомнила.

Любимый! Жизни всегда! Светает!
(Натан Злотников)

Я, признаюсь, люблю вспоминать,
Здесь работы полно для поэта.
Драмы, сущеные трудно унять,
Вспоминаю то и про это.

Вспоминаю любимый Арбат...
Где ты, неповоротливый Арбат?
Вспоминаю хороших ребят,
Что мне мылили шею когда-то.

Помни, первую двойку принес...
Пусти читатель поймет всеесюзный,
Как впервы раскрасила я нос,
Посколкнувшись на корни арбузной.

Схоплю ду! Дорогая, прости!
Я грынусь старческими корни.
Ты, любимая, спи. Не грусти.
Я к утру мемуары закончу...

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Я ненавижу бездарей всех наций.
Особенно своих,
Могу признаться.

(Дмитрий Ковалев)

Как ни прискорбно в этом убедиться,
я понял,
что вокруг меня — тупицы.

Как ни непривлекательна картина!
Тот явно дуб,
а этот вот — дубина.

Сканзу из известной долей
в поззии
засмылье кретинизма:

А взять, к примеру, нации Европы:
тут — бездарие,
там — просто остолопы.

Да я готов поклясться праотцами,
что мир наш
перенаселен глупцами!

Средь них я свой коротаю век,
талантливый
и скромный человек.

Узы

Давно не дразнят сверстники меня,
как некогда.
Разделил косузымы.
Неужто же
Сладей день ото дня
Роднющие с землею отчей узы?

(Сергей Полянинов)

Все сверстники моя
Вперед ушли,
Во мне же печальный поворот

Давно я оторвался
От земли,
Но так и ни к чему не пришился.

Мне горько, жаль
С землею роднивших узы:
Ослабли уши, оторвал румянц...
Неужто больше не коопусы!
А может быть,
Я больше не разанец!

Мой отчий край зовет меня, зовет...
Когда кладовые чувств не осудили,
К земле я припадаю
Каждый год,
Буквально каждый год.
На две недели.

живая

Вода

Алексей НИКОЛАЕВ,
Василий МИШИН [фото]

Добираясь до истоков, которые ни века, ни тысячелетия измерить не могут, мы останавливаемся на долине соотечественников своих: им первым открылась красота нашей земли. По счастью, память хранят имена простых русских мужиков, что рубили первые избы в глухих дотоле и неведомых краях Руси. Путь туда лежал через те тридевятерица, которые исконь не забыты были.

И вот рассказывает о пожелавшие от времени грамоты, как в 1628 году поднялся на Ангара до устья Илья, одолел пороги и кругой волок, потом спустился по маленькой таежной реке Куте казаки десятни Валентина Бугор (коего топонимы именем этого первопроходца) и неизвестного еще тогда видел он «сплавную в свете и величью реку». Отсюда по лесам и везем русской земли, через Каменный пояс, как звали в старину Урал, обратным путем пошли в столичный град Москву грамоты: «И та где великая река Лена угода и пространна и людем в ней разные земли кончи и кончи и сорбованы и скелено зверь». Было это в те времена, когда не знали и не могли знать первопроходцы, что река, на которую они вышли, не только «угодна и пространна», но и есть самая большая на русской земле.

Недалеко еще ускакал гонец с грамотами, когда ум спасли ту проприятесть, небывалую насторожки, давшим икзюм нынешнему городу Усть-Куту и ставший порогом, за которым началось познание отыскания на русской земле реки. А слава маленького островка на берегу Лены ждать себя долго не заставила: отыскались мужички умелые с золотыми руками, юные и опытные, смели до полнолиц, одни топориком, без копланской и немецкой инженерии, стали рубить они, спускать на воду дощанники, барки и морские кочи, и звались верфи на русский языке плотищем. От них и пошла обживаться Лена — река до самого студеного оконца...

В уважение давней традиции можно было сплавляться по Лене на га-

зги за изгибом разворачиваются тихие плесы.

ГЛАВНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ РЕКИ — ЗНАМЕНITЫЕ ЛЕНСКИЕ «СТОЛБЫ».

«СТАРОЖИЛЫ».

них вот судах древней конструкции [не отбрасывать же возможностей], которые дает технический прогресс] воспользоваться быстрым «брюхом» [раметкой], и, должно быть, лет еще десять—пятнадцать назад мы выбрали бы один из этих видов транспорта, но времена меняют и реки. Сегодня на всех наших реках безраздельно господствует мотор. Говорю об этом и останавливаю внимание читателя потому, что лодочный мотор изменил не только вид реки, колорит жизни реки, но и сам был в рабочий ритме, в стиле жизни. Лодочный мотор в языке речного ноттера — это нечто значительно большее, чем автомобиль для горожанина, а веселую лодку на Лене встретить сегодня так же трудно, как извозчика в городе. Мотор здесь любят и уважают сызмала; моторов здесь великое множество и разнообразие, а если пренебрежим прибудет на реку с новым, еще неизвестным в этих краях мотором, — значит — как бы занят ни был — подойдет понтересоватьсья, а с берега

река особенная: она одна вобрала в себя все многообразие ее черты. За четыре с лишним тысячами километров, тех самых километров, которые предстоит пройти по Лене, можно увидеть в ней широкое раздолье Волги и тихую задумчивость Оки, холодноватую степенность Печоры и непропитанную обильность Оби, буйную мощь Ангари, вечеринкою задумчивости Северной Двины и скромную спиральность Малмыжи-реки, а руслом спящей с Прибайкальского хребта и означенной как исток Лены, напоминает начало наших горных рек. Вот почему, вобрав в себя всю многогранность многих русских рек, Лена остается той особенной и единственной, узнав которую ты узнаешь многое о красоте и многообразии других рек русской земли.

В верховых, или, как говорят речники, в вершине плесе, Лена течет, и не обходит ее ни один из трех гряддам сопон, поросшим темными хвойным лесом. Но нет-нет да и всплеск сопон в свою сине-зеленую

высокой траве... Ни дать ни взять — выхвата Волга где-нибудь под Ярославлем! А подойдешь блоке и видишь — Сибирь. У домов, крепких и высоких, склонов золотом светят огромные — иные сами в дом — поленницы; зима здесь лютая, долгая, и избы потому своего, сибирского толка — тоистонные с сапогами, с маленьными окнами.

Но стоит бы, конечно, в тысячу

первый раз говорить о сибирском го-

сторниште, но миновать его, будучи

в этих краях, удается не вскому,

но говоря уже о том, что составить

впечатление о Сибири без этого ка-

чество сибиряков невозможно...

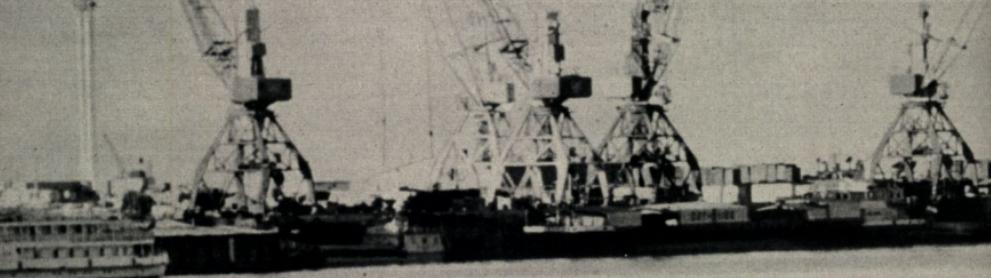
После бан — сибирская баня (две сотни эпитетов, дополняющих сопутствующие понятия «сибирская баня», мы сознательно опускаем, не надеясь, что они дадут хотя бы частичное представление об этом замечательном вилюмии) — сибирская баня, толстыми ступенями въходишь в прохладный сумрак саней, пахнущих сеном и свежей бруслиной, потом,

о сенокосе, об охоте, о рыбной воде, о том, что «сей год вода большая, и рыба гуляет, однаково, о погонах и перекатах» — подаетесь в рабочесть, умыться добрыми своим ликами, и сопон подает поднос, а избушка вспоминает, что если не пропустить на блюдце, А за окном краинский путь над Леной, мерцающие звезды, тихий свет бакенов и ночные гудки раскаивающихся пароходов. Гудок — долгий, протяжный — проплыт над рекой, уходит в сопон и оседает в распадках.

— Туман, однаково, большой ляжет, — говорит хозяин...

Давно уже солнце взошло на востоке, потянулось к югу, но туман плотно лежит на реке, укутав сопон, и сопон вспоминает, что если не коснуться воды и берега, Река безмолвна; молчит, отставая в тумане, пароходы, и тишина кругом таинственная, будто стоит она на всей земле. Надо ждать заря — так называют тут утренний ветер.

Вот он прошелся по влажному лугу, но так рабко и пугливо, словно жеребенок, едва вставший на тонкие и неукрепленные свои ноги, впервые пробует землю, подрагивает и шатается. Но крепнет ветерок, наби-

туройбой, как на мол, бегут сапонь. Одни, побочное, из тех, что не пешком, а на четырехных под стол лазят, уткнувшись носонику, спрашивают серьезно:

— Дяденька, а сто у тебя за мотор!

— «Нептун».

— А ты говори, «Москва-35». — Это он «механик» — одногодок.

— У него бобины такие, — опровергает тот. — И стартер.

— Дяденька, а сколько син!

— Всемоднидь.

— Так надо было «Викр» брать, одноко...

А тут еще на посыпанном всей голопузой компанией забарахли у тебя, с первого, со второго раза не засвистел мотор. Но насыщек на ходу: к технике тут относятся серьезно и советы дают деловые:

— Свечи забыргляло...

— Искры нету...

— Дяденька, заслонку побольше открою одино...

С тандым под напутствиями да еще советами, где деркнешься «фальшивка», а где и пантанки машина, динулся мы в долгую дорогу по Лене-реке.

Я перебираю сейчас все превосходные степени болгарского нашего языка и не могу отыскать слова, способного стать эпитетом к тому, что зовем Леной. И потому не скажите что банальность, если я скажу, что среди них русских рек Лена —

гризу золотую косицу — это нечастая среди хвойных лесов береска наливается цветом осени. Разбросанные кое-где предки облаков или неотошедшего утреннего тумана медленно сползают по склонам и оседают в распадках, по которым с окрестных хребтов чистым галечным ви-сыпкам бегут в Лену шумные ручьи и быстрые речки. Во всем этом величественном и в то же время густом, яростном всплеске сапонок опадает и пологий, студенистый склон переходит в приокеизумрудную пуговину. Она отодвигает сопон к невидимым хребтам и далеко, скользко, хватает глаз, тянется по берегу, плавно изгибаясь широким речным меям. А там на самом краю, рассыпана по зеленому пути деревеньки с красными и точным именем Конец-Луг.

На Лене не види повторений, а лучше однажды обозреть за которой излучиной реки расплываются села, наизнанку. За грядой сурьманных сопон открывается друга пейзаж, точно сошедший в этот таинственный край с лентанского этюда. Сопон неизменно переходят в кругой обрывистый яр, а под ним, закрытый от ветров, притягивается деревенка Зверяна. В живописном беспорядке среди ухоженных огородов в неплотной ограде стоят над рекой дома с геранями на окнах. С зеленого зера бегут к реке жгучие тропинки, у воды голоногие паканцы с удоочками, кукак окуней в

нагнув голову, в просторную солнечную горницу с множеством светильников, чисто вымытые оконшки, глядищих на реку и на противоположный берег с синими увалами лесов.

Дом хозяина нашего, Николая Агаповича, старый, но крепкий, изукрашенный по фасаду искусственной рукояткой из края и крепким кра-соте, молодежный, но крепкий, уменьшающийся, подходит у сибирской краинки, чтобы поднести работу ладью и краснить. Потолок подкрасили свежей краской по старым отцовским узорам. Вдоль сухих чистых стен стоят новые, гладкие выстроенные лавки, от которых еще хорошо пахнет свежими деревом. На крышном полу чистые половники, и от них тоже идет по всему дому хороший, свежий запах.

На Лене не види повторений, а лучше однажды обозреть за которой излучиной реки расплываются села, наизнанку. За грядой сурьманных сопон открывается друга пейзаж, точно сошедший в этот таинственный край с лентанского этюда. Сопон неизменно переходят в кругой обрывистый яр, а под ним, закрытый от ветров, притягивается деревенка Зверяна. В живописном беспорядке среди ухоженных огородов в неплотной ограде стоят над рекой дома с геранями на окнах. С зеленого зера бегут к реке жгучие тропинки, у воды голоногие паканцы с удоочками, кукак окуней в

Чай, по обычаям местных, сопороводжающий всю трапезу, как нельзя искать, сопутствует беседе, неторопливой, но однаково всем интересной,—

расесь сны: согну уши травинку, другую, прошерстя по всему лугу, качну кусты никника на берегу, взъерошил неподвижную гладь плеса и зашевелил, зашевелил туман над рекой. И туман поддается — светлеет, все больше наливается золотом, медленно, как бы нехотя, оттает от земли и реки и совсем растворяется в открытом солнечном свете.

И — заслон. Осторожно под

высоким сапоном, не спускающемся с

с берегом. И тут заговорили, запели по всей реке, по дельнам и блокам и катера, начав свою дневную работу.

А Лена — рабоча, Флот для сапон ее берегам в давние времена, а сегодня ленинским флотом дышит и коряится Восточная Сибирь от Усть-Кута до Ледовитого океана. Белые паруса фрегатов, представляющие из себя знаменитые со временем фотографии Бодайбинских пристиков, алмазного Мирного, Вилы, Альдара — ахах тих мест, куда пронесли сегодня пути Ленского пароходства. Напряженный ритм большой работы слышен здесь днем и ночью.

Однажды же днем идут вниз по реке танкеры, освещенные так, что боковая волна перекаивается через палубу. За грузом, вверх по реке, танкеры возвращаются в балласте, высоком подъеме нас, на манер торпедного катера. Всю навигацию они работают

роздыха — вино, к Янгутску и Тикси, и вверх за нефть, к Транссибирской магистрали, — чтобы вдхнуть топливо в тумруд и Арктику, дать жизнь машинам и механизмам на всю долгую полную зиму. Топливно в этих краях — первое дело.

Но не топливом единды живы берега по обе стороны реки. Лихтерам и самоходкам работы здесь хоть отбавляй, а вспомогательные суда идут по Лене на север: лебеды, флоты, санки, колесики, «семисильные» прибои, стиральные машины, ходорыльники, радиоприемники, а теперь и телевизоры пошли в тундру. Так день и ночь — всю навигацию, как говорится, от звонка до звонка — живет, работает река. Рабочий флот на Лене не успел еще постареть, и с каждым годом в его поплы прибывает. Шлегелеватые теплоходы, последних конструкций, сандюны и лихтеры, морские тракторы, буровые установки — все это сворачивает на сверкающей реке и переливается яркими цветами свежей окраски. Новые суда лихо разрезают волну, вскипают

Иконе Витима распахивается Лена в ширину и течет на север, все раздвигая и раздвигая берега. Простора столько, что есть где разгульяться хоромушьму штурму. Ударят вдруг синзу ветер, раскатят волну по плесу, поседеет, начнется синевой река, и пены, пойдут на волны белые гребешки. Но опадет ветер — и снова сверкает, струится на солнце река. И снова удачной по обе стороны сорок пять минут уходит река в огненные, днем — синеватой дымкой отраженного света. А река все расплывается и расплывается даль за далью, простор за простор, и не знаешь, какая новая красота ждет тебя за этим, за тем и за всеми другими поворотами. Кажется, наскуично Лене жить в таком открытом просторе, и точно — вдруг за мегам накатят она неожиданно на остров, обойдет его двумя притоптыми берегами, пересечет остров, и пошли, пошли острова, которых названия говорят сами за себя: Таловский, Сосновый, Березовый, Ело-

нистинская разгадка такого «просветившегося пейзажа в иносказании», на Лене еловая и сосновая тайга уступает место лиственице. Хвоя лиственицы неожиданно, светлой и не так густа, и потому даже в пасмурный, или, как говорят здесь, морочный, день леса по берегам выглядят так, словно из освещаются красновато-оранжевые лучи солнца. Еще другой тип реки. Многое на Лене есть, где даже за короткий промежуток времени придется пересекать несколько разных рек, а порой и буквально столкнуться от красоты, ему открывающейся. За одним из бесчисленных островов, как всегда на Лене, неожиданно, берега вырастают вдруг в гигантские отвесные стены, река делает зетообразное колено, почти под прямым углом. Стиснутая крутым каменным коридором, сплавленная дотоле Лена вдруг начинает своеобразно реки стремительно удирать в один бок и откатаиваться к другому, вода бурлит, сизеет в сугробах, к разносимый эхом густой шум спущен отовсюду. Один рушийский вистр отдается здесь белгым огнем целой батареи.

Это и есть знаменитые Ленские

густо-синие — пытались описывать многие путешественники и синицы, но сделать это с достаточной полнотой невозможно уже потому, что разнообразием цвета, линий, форм и образов, возникших из камня, значительно больше, чем слов в нашем богатстве языка. Циклопические стены, громоздящиеся над Леной, уносят по первому взгляду напоминают причудливые храмы, колоннады, миниатюрные водопады, гроты, готические замки, тесные соединения между собой висячими мостами и переходами, в которых, как в лабиринте, скрывается и не может остановиться взгляд. Вот где-то высоки, вились вершины, распахнули крылья, стоят ворон, словно задумавшиеся, как говорят Чехов; стоят долго в упрогом потоке и вдруг ныряют в подземный грот, чтобы спустя минуту выплыть из невидимой арки по ту сторону «столов».

Гигантские скалы, покрытые манящейся калейдоскопом сказочных видений, невероятно спрашиваясь себя, не отсюда ли брахи витнусные и зевские kostорезы образы своих удивительных фигуров, которые радуют нас непосредственностью восприятия натуры, обобщенностью, лирико-романтическими формами и линиями, которые искусство велят архангелом! Не здесь ли, в Ленских «столовах», увидел не-

ЯНГУТСКИЙ РЕЙД В ДНИ НАВИГАЦИИ.

воду мощными винтами, а поодаль флагштока неизменно всплескает стальной лента, бушующий бушпритом и низок, но блещет он красной, зеленой, обводкой, не сворачивает элегантностью окраски, но есть в нем что-то домашнее, устоявшееся. Работает себе, трудяга, тинет, по-стариковски поплыжав, пять — семь барж на бухтисре — караван едет ль на весту. А на баржах — тоже не новых, потертых по бортам, с побитыми окнами, убитыми белоголовыми автобусами, срацимыми граверами, «Запорожцами» и «Южностями», измучившимися издалии детскими игрушками, штабеля дюралевыми подлоками, моторами, контейнерами, громоздящимися, как крепостные стены, и во всю длину палубами уложенными фермами буровых скважин. А вокруг и среди сворачивающего этого груза идет неторопливая с виду речная жизнь: дымки, пеучиры, сладко волочащие уши, сущие белые, как нормы, бегают взад и вперед машины лыжни, занятившие головами океаническую ветреную палладию теплоходы «Вон этоварник Колосников» членятесь... — синхронно улыбаются пассажиры с «пакетами». Но нет, не спешат ленинские речники сдавать в архив колесные бурушки, строить и новые... — неторопливо шлюпает он плиссами по воде, несет за собой караван бород и в моменты, когда впереди проходит судового дракона, в средние перекаты к лесной кромке...»

Если бы лодки не ограничивались кромкой берега, мы с той же точностью и полнотой могли бы понять, как живет и меняется тайга по обеим берегам реки. А по мере продвижения на север пейзажи Лены меняются все больше и заметнее. Переменились синий цвет воды и синий цвет неба. Помимо синевы, что принесла в тайгу, вдруг синевы, что принесла в тайгу, место лесистых сопок по берегам все больше занимают красные, желтые и оранжевые скалы. Но

«щеки». Медно-красные скалы — это и три сопки, которые — застряли в реке, и воды, приподнявши, опрокинулись, уходя ввысь и завершаются терракотовыми вершинами, от которых по каменным руслам берут вниз к реке искрящиеся осенне-цвета сиреневого пусты в тумане. Грандиозность и необыкновенная красота этой картины замечены были еще И. А. Гончаровым, проезжающим здесь в 1854 году после кратковременного плавания по Финскому заливу. Картины троицких кудес и морских пейзажей не смогли заставить ни его воображения своеобразной красоты Ленских щек. «Это — огромные, величественные утесы, на них я мало видел на морских берегах», — вспоминает писатель.

Казалось бы, после Ленских щека невозможна уже поразить воображение, и выше этого состояния чувство не откликнется с такой же силой на другие пейзажи ленского пейзажа. Но Лена редко спорит, и, отправившись в путь, надо быть к этому готовым.

В двухстах километрах выше Янгутса Лена преподносит самый величественный свой юбиляр, то, что по праву считается одним из лучших «Ленских «столов»». Эти баснословные скалы, не逊ающие на берега Лены, сложенные фантастической природой, из разноцветного и постоянно меняющего цвет камня — от ярко-красного до бледно-желтого, от оранжевого до

известный мастер теперь уже знаменитую Олекминскую русалку, которую недавно нашел рыбак в янгутской деревне и которая украшает сегодня экспозицию Олекминского краеведческого музея. Думать хочется именно о том, потому что самые сильные и выразительные краски, изображающие здесь на художника, чтобы не стать предметом искусства.

Но вот «столов» постепенно уходит, на них бы вилась в берега, в чрево земли, из которой и подняли их природы. Лена снова выходит на открытый простор, разливается на бесчисленных протоках, по берегам которых едва угадываются деревни, а вода в них — неслыханные, ярко-бледные, неслыханные в синей дымке. И denne позиции, спасительница-поэзия, похожа здесь на лабиринт из островов, на которых светят большие и малые озера. Здесь царство пернатых.

Дело идет к змие, к переселению первого царства на юг. Тут сбываются в стихии, и все реже встречаешься одиночек, не успевши завести семью. Стада, косматые, склоняясь к воде, гоняются за водой, гоняются за синевой, неслыханной, проплывающей над головами, горячими головами, караванами из лебедей, из белоголовых крачек, из носов куриных, оглашавших все окрест медовыми и звонкими своим крикомами. Торжественный этот

СКОЛЬКО ВЕКОВ ЭТИМ КАМЕННЫМ ИСПОЛНИНАМ!

звон стоит до снега в огромном и высоком небе Лены, над рекой, над оstromами ее и протоками.

Заглядевшись на отдающиеся птичьи стаи, не заметишь, как где-то в просвете протоки, далеко на горизонте, открылся большой белый город, таком неожиданным и этого первого раза. Но это и не разрыв, город опять уйдет за изгиб реки, и долго еще придется плутать протоками, обходить острова, заросшие тальником и лесом, обогнуть песчаные косы с темнеющими на них следами созатаого, чтобы выйти наконец к Якутскому речду. И тут иной мир. Шумом и разноцветием огромных солнечных зонтиков полярного сражения наполнит о времена, — поляны, холмы, зодах по Якутску, городу по-европейски оживленному и по-сибирски красивому, с его театрами, музеями, университетом, филиалом Академии науки, с великим трудом представляешь, что исторически не так уж и давно был он на карте Российской империи, тем утром, когда кайзер теплее не гремел и куда-то своей волею охотников добиралось не густо.

А мыслы эта, равно как и к Якутску, применима ко всей великой русской реке, разбуженной от сна временем и людьми, обновленной, но такая же первозданно прекрасной. Видеть и чувствовать это — это удешь на всем долгом пути по реке, это — самое, это скончание, когда Лена, сбрав в себя скользкие и чистые потоки Алдана и Виллов, раскатится морем по тундре, разбьется на сотни проток крупненейшей на земле дельты и падет в океан, согрея летним дыханием Сибири холодную, но живую Арктику.

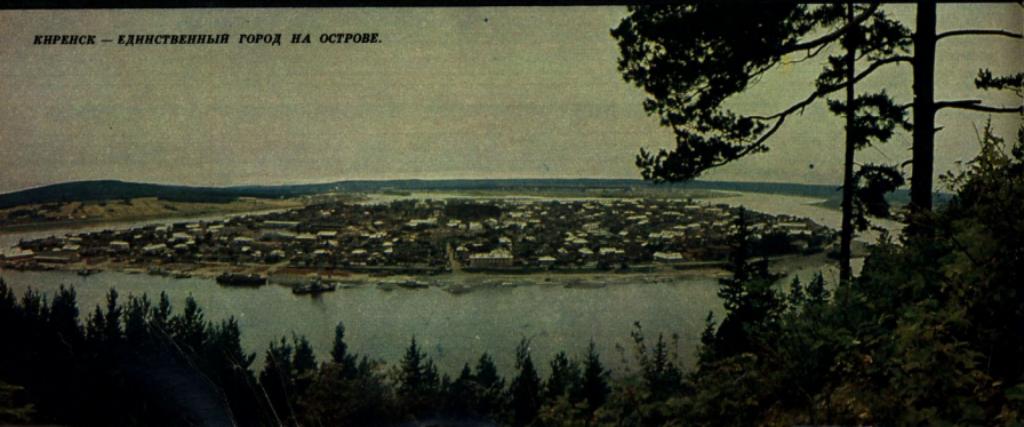
ПОДАРОК СИБИРСКОМУ

СТАЖЕНИХ СОЛОК БЕЗ
ЧИСТЫЕ ПОТОКИ.

РЕКА ДАЕТ ЖИЗНЬ

КИРЕНСК — ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД НА ОСТРОВЕ.

Hа окраине Рязани есть завод, где делают тяжелые прессы, «манипуляторы» для кузнечных цехов, легко вращающие тридцатитонные слитки, ковочные машины и другое оборудование.

Тяжелый пресс не широкий, подиантник и не автомобиль, его не собирают на конвейере. Я видел гигантский пресс, способный разливать уксус в 5 тысяч тонн... это многоэтажный дом, начиненный сложными механизмами. Когда я был на заводе, этот пресс как раз испытывали. Мне сказали: «Сегодня ночью дали полную нагрузку, а потом довели уксус до шести тысяч тонн. Все в порядке!»

Мне показывали борту машины, что делает эту машину, которую так затратно и долго собирали, теперь оправят разберут. Потом детали погрузят на платформы и перевезут туда, где прессу предстоит работать.

А завод получит новый заказ — какому-то предпринимату понадобится совсем другой пресс, не похожий на этот, который завод только что сделал. Бывает, иные машины повторяются, но все-таки это не те повторения, что на конвейере...

Я выбрался из борта машины и вышел в коридор с заводской жаргонной обстановкой, что примерно треть часть заводского коллектива — молодежь, лишь усилило мой интерес. И хотя собеседниками мормы оказались люди зрелого возраста, в этом был особый смысл, ибо разговор об инициативе не прост.

Первым своим вопросом я задал главному конструктору завода Олегу Иосифовичу НЮНКОУ:

— Олег Иосифович! Что значит для вас понятие «инициативный человек»?

— Значит прежде всего человек знающий в широком смысле слова. Человек творческий, стремящийся к совершенству. Ибо без знания нет творчества.

Я приведу свежий пример... Если пойдете на завод, попросите показать горизонтально-ковочные машины усилением 250 тонн. Они почти готовы. Вот-вот начнут испытания. Горизонтально-ковочные машины, вообще говоря, используются в промышленности лет семьдесят. Схема их устоялась. Можно сказать, стала классической! Вот ту у меня в столе книжка, которую я написал с одним товарищем лет десять назад. Перелистай ее — схемы всех горизонтально-ковочных машин похожи одна на другую. Наш отец специализируется на таких машинах, и одной из них — машине усилением 150 тонно-сила — присвоен государственный Знак качества.

Я расскажу вам еще эти же машины... Поплучите машину: осмотрите производство горизонтально-ковочных машин 250 тонно-сила. Что, казалось бы, осбенного! Выполнены по известной схеме — и все дела.

Но любой конструктор борту горизонтально-ковочных машин знает, что у «классической» машины есть некоторые принципиальные недостатки. Например, фрикционная муфта включения является источником перерасхода потребляемой энергии, содержит в себе быстронизнашиваемые элементы. Это тоже своего рода «классика! Так как же поступают конструкторы?

Приходит ко мне начальники борту горизонтально-ковочных машин Евгений Андреевич Савинов, человек знающий и инициативный, увлеченный своей работой, и предлагает: «А что если сделать эту машину более быстрой фрикционной муфтой? Практически это означает: сделать машину по совершенной новой схеме — впервые в мире. А потребность в них такова, что нужно ждать большой (по масштабам нашего индустриального производства) серии ежегодно. Забегая вперед, скажу, что сейчас, в 1972 году, опытный образец этой машины стоит еще на испытаниях, а в плане завода 30 таких машин, да в том числе на экспорт! За срыв таких заданий, фигуранты выражаются, снимают головы. Евгений Савинов «проверяет инициативу!»

Конечно! Правда, вы можете сказать: на то вы и конструкторы! — делайте быстро и хорошо, чтобы машина подошла. Но это может быть или только в очень старых сказках или в очень новых романах. На самом деле члены «дводорога» новой машины — процесс не менее трудный и длительный, чем само проектирование.

— И как же вы поступили?

— Наверное, можно было сказать: «Брось, Евгений Андреевич! Тебе что, спать спокойно надоело?» Но посмотрел в его предложения,

ШАГНИ З

Рабочая трибуна «Смены»

ЧЕТЫРЕ МНЕНИЯ ОБ ИНИЦИАТИВЕ

проанализировал и согласился. И вот она, стоит на сборке, машина без муфты... И что тут еще интересно: ведь двадцать лет назад я был конструктором аналогичной машины, сколько их потом сделали... Теперь Савинов — и все как бы повторяется сначала. Только та машина кажется мне теперь очень старой и даже, может быть, примитивной.

— Таков был личный итог пережитого в связи с предложением Савинова... А для самого Савинова? Помогают ли растя ему инициативность? Есть ли здесь какая-либо зависимость?

— Это как понимать... Порой понимают слово «инициатива» только как «продвигаться наверх», «высокий уровень человека», «вырос!» Знают, что такое должностной долиник. А вот как растя конструктору?

Конструктор, если он хочет действительно быть конструктором, должен сидеть на одной работе годы.

Но ведь все понимают: вот какую Савинову мечту набрасл! Голова! А работает «простыми» конструкторами. И начинают искать, как бы человека помочь. Начинают его «продвигать». Куда! Неважно. В какие-нибудь «начальничинки».

А Савинов таким манером «растя» не хочет. И, скажем, другой квалифицированный человек, Азаров, тоже не хочет. Дошел до начальника боро и говорит: «А дальше — уволте!»

— Почему же?

— Посмотрите: у меня в кабинете чертежной доски лет 15. А раньше стояла. Потом решил: «Что же держать зра — для красоты?» Не нужна ставить! Вот и они боятся этого — стать администратором.

Настоящий конструктор ни за какие блага не захочет расстаться с творческим трудом. Таковы и Савинов, и Азаров, и десятки других. Сами они понимают «рост» как чисто техническое совершенствование. Верный взгляд. Но тогда оплата труда, сметка, ставки, тарифы — все это должно быть более гибким. Такой, как Савинов, может, и будет весь свой век жертвовать земными благами, лишь бы его от любой работы не от社会发展. А другого, не менее талантливого, жертвовать не захотят. Или по каким-то причинам не смогут...

— А можно ли «планировать инициативу»?

— Приведу абстрактный пример. У всякого конструкторского бора должен быть свой «запас». Замыслы, идеи... О них до поры никто не должен знать. Нельзя «идею», мелькнувшую мысль включать в «план». Надо всесторонне ее «обдумывать». Но ведь как еще бывает? Прослышишь о чем-то, и замысел, и запас, и конструкторы еще дозревают надо, в плане — такую машину создать ровно через двенадцать месяцев!

Инициатива обнурилась для конструктора нервотрепкой, гонкой. Порой напинанием взаимного надувательства. Одни руководители обещают другому: «Выполним!» — и ставят своим подчиненным «задачки».

А что, скажите, в этой ситуации делать, допустим, мне, конструктору? Создать машину за двенадцать месяцев я не могу, это нереально... И тогда я, как проконченный бородаток, начинаю строить вокруг себя «бумажный забор!» И если вы ко мне явитесь и спросите, почему я срываю сроки, я вам вытащу толстую папку, целью том, где все у меня будет подписано. «Вот, — скажу я, — задание дано неточное...» А вот на это письмоцено мне в срок не отвечено...» И перелистую перед

вами всю свою канцелярию. И будет видно, что я ничего не спал, бороды!»

Начавшийся с главным конструктором разговор требовал продолжения. Новое дело без инициативы немыслимо. Но можно ли, провялив инициативу, застращивать себя от риска? А если изобретение будет неудачно? Если новая технология принесет заводу не прибыль, а убыток?

Этот вопрос интересует каждого, кто решается переступить порог промышленности, устоявшейся. Кто отванивается на поиски нового. А среди них не только конструкторы, инженеры, технологии. В графу «профессия творческая» давно по праву вносятся современные рабочие. Поля их инициативы в один конкретный проект, а все, кому живет цех, над чем работает завод.

Я обратился к формовщику Н. В. КРЫСАНОВУ: — Николай Васильевич... Как уживаются вместе инициатива и робот?

Без риска порой трудно обйтись... Мы давно заливали одну станину, как мы выразились, «в закрытую». Другими словами, накрывали ее сверху опокой, как настрову крышикой. И брали штрафы! Порой из двадцати станин — шесть штук с газовыми и шлаковыми раковинами. Стали думать: что делать? И пришла мысль залить «в открытую». Иди, значит, я к технику: так, мол, и так, объясняю. А он мне: «Нельзя, усадка будет! Что делать? Я, конечно, доказывал, спорил, убеждал, и все сказали: «Хуже быть не может!»

— И что же вы сделали, Николай Васильевич?

— У меня осталась один выход — убрать не доводом, а фактом. Заливники у нас люди опытные. Вот я им и говорю: «Заливайте, ребята!» Они залили, и все вышло, как рассчитано. О брачке теперь забыли.

— А был ли риск?

— Конечно. Прежняя технология устоялась, кто-то головы ломал, ее разрабатывала... Разработка — это всегда трудно. Нуужны гарантии, что инициатива не потеряет заводы...»

— В чем же вы видите эти гарантии?

— Тут надо учиться, что у человека, кроме инженерной, есть душа. Бывает, рабочий щеще склонен к игре. И если он склонен, сам удивляется: «Получилось! А почему?» А если человек сперва посидит за книгу, все обдумает, рассчитает, прорыт тысячу раз, то риск хотя и остается, мера его невелика.

Знания нужны — вот что. Чтобы самому не оплошать и чтобы всплыть, работать.

... Я составил слова формовщика Крысанова с одним высыпыванием партнера завода Евгения Ивановича ШОЛОХОВА. Разговор об инициативе был для партнера близок, и он сказал мне примерно следующее: «Инициатива человека, который плохо знает свое дело, не дает пользы, а обременяет. Поэтому Трофимов, он считал, что просто там, отрезав, тут действовать нельзя. «Ут надо каждого...», — сказал он, — «выспытать. Поблагодарить, перекомендовать учиться...»

— Евгений Иванович! Иной раз молодому рабочему советуют: «Выступи с инициативой!» Хорошо, если она близка рабочему по духу. А если чужда ему, искушает?

— Люди после такой инициативы и к серьезному делу начинают относиться скептически, вот в чем беда! Не нужно надуманных инициатив, они обесценивают подлинное творчество. Если ходите какое-то дело, допустим, для участка, не спешите распространять его на весь завод. А то, что только для одного предприятия, может быть зовсе не пригодно для другого... Иной раз мени

Иван ОСИПОВ,
кандидат педагогических наук,
член Всесоюзного Совета
по физкультурному комплексу ГТО

Лев БОРОДУЛИН, Владимир ЧЕЙШВИЛИ [фото]

ГТО

СССР

Убыстряющийся ритм жизни, необычайный размах научно-технического прогресса предъявляют жесткие требования к физическим способностям, к подготовленности человека, живущего сегодня и завтра, эти требования, будут еще выше завтра, и тем более в 2000 году, когда нынешние мальчики и девочки станут основной производительной силой общества, займут командные места в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре.

Современная жизнь требует от человека не только периодического повышения знаний, но и принципиально новое отношение к самим физическим способностям. Уже сейчас существуют профессии (летчики, шофер, оператор прокатного станка и другие), в которых острая ситуация, требующие ответных физических усилий, поступают со скоростью 2-4 сигнала в секунду. И даже профессии менее «героических», такие, скажем, как продавец, становичник, строитель-монтажник и даже парикмахер, заставляют демонстрировать скоростные качества, координационные способности, точность и силу движений, отсутствующие в анимации.

Далеко не каждый способен стать мастером спорта или разрядником, но общая и специальная физическая подготовка нужна всем, без этого в жизни просто не обойтись.

Новый комплекс ГТО будет основой советской системы физического воспитания, он должен способствовать формированию морального и духовного облика советских людей, их всестороннему гармоническому развитию, сохранению на долгие годы крепкого здоровья и творческой активности, подготовке к высокопроизводительному труду и защите Родины.

Идейная направленность комплекса, четко выраженная в девизе «Готов к труду и обороне СССР», привнесет глубокое содержание трудовому и военно-патриотическому воспитанию молодежи. Она конкретна и ощущима, так же как конкретны требования и нормы самого комплекса, сдача которых становится гражданским долгом каждого советского человека.

Содержание комплекса ГТО, его нормативы оправданы многолетними научными изысканиями специалистов по педагогике, физиологии, гигиене,

мы хотим всесторонне развить человека, чтобы он умел хорошо бегать, плавать, быстро и красиво ходить, чтобы у него все органы были в порядке, словом, чтобы он был нормальным здоровым человеком, готовым к труду и обороне — эти слова Михаила Ивановича Калинина, сказанные им еще в двадцатые годы, можно было поставить эпиграфом к нормативам нового комплекса ГТО, вступившему в силу вчера.

Новый Всесоюзный физкультурный комплекс — это не очередная массовая кампания, рассчитанная на привлечение к активным занятиям спортом миллионов советских людей. Значение нового комплекса гораздо шире — это лицо государственного масштаба, имеющая глубокие социальные и экономические корни.

НАЧАЛСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ЭКЗАМЕН ПО НОРМАТИВАМ КОМПЛЕКСА ГТО, ПОСВЯЩЕННЫЙ 50-ЛЕТИЮ СССР

В одном из ближайших номеров «Смены» расскажет о том, как проходит этот смотр физической и военно-технической подготовки юных солдат и молодежи.

носливость, необходимые в их дальнейшей жизни двигательные навыки; дети должны быть маклышами, чтобы не падать. А затем постепенно, они поднимутся на следующую, вторую ступеньку — «Спортивная смесь». Название это выбрано случайно: ведь именно в 14—15 лет наиболее ярко проявляется спортивный талант, открываясь двери в страну Большого спорта.

В ІІІ ступени происходит серьезное событие в жизни юноши и девушек: они заканчивают среднюю школу, определяют свою будущую профессию, а 18-летние парни призываются в армию. Поэтому-то третья ступень (затемнявшая комплекс «Готов к защите Родины») называется «Сила и мужество».

У четвертой ступени — «Физическое совершенство» — требования и нормы особенно высоки. К 19—22 годам завершается физическое развитие человека, он способен добиться наилучших результатов в общей и специальной физической подготовке. Здесь вы можете показать не только скреберную и «золотую» медали, но и добрую высшей награды комплекса ГТО золотого значка с отличием. Обладатели такого знака должны быть не только отличниками по общей физической подготовке, но и выполнять нормативы первого разряда по одному из видов спорта.

С этой ступенью вы еще встретитесь, когда вам будет 29—39 лет

смогут показать даже удовлетворительных результатов по нормативам второй ступени. Как видите, цифра невелика. Но это означает, что из тех, кто отобрался в так называемой третьей модификации группы, 30—45 процентов способны показать удовлетворительные результаты, а из остальных следует ждать более высоких оценок. Хочу сразу же оговориться, что основной час претендентов на значок ГТО — занятий в возрасте от 10 до 30 лет, когда возможности велики, а отстав — минимальней.

Итак, если вам 18 лет и если вы были добросовестным учеником на уроках физкультуры в школе, техникуме или ПТУ, то вы, конечно же, сможете (может быть, выложившись до предела), побить рекорд 14,2 секунды на прыжок в длину, в высоту — 140 сантиметров, прыгнуть в длину на 125, метнуть гранату на 35 метров, проплыть 100 метров за 2 минуты и т. д. Проверьте себя и, если сможете, считайте, что серебряный значок ступени «Сила и мужество» уже поблескивает на лацкане вашего пиджака. А вот для золотого значка в беге на 100 метров нужно скнуть

психологию. Каждая цифра, каждое упражнение взяты не «к потолкам», они имеют прочный фундамент и прошли проверку не менее тщательно, чем, к примеру, новый самолет в авиации.

Все виды и нормы комплекса имеют четкое физиологическое обоснование. Гимнастические упражнения, например, помимо чисто гигиенического значения, направлены на развитие координации движений, на выносливость, гибкость, подвижность мозга. Бег не скорость приспособливает организм к выполнению работы в условиях кислородного голодаания. Кроме того, он вызывает тонкую регуляцию процессов возбуждения и торможения, умение быстро сокращать и расслаблять мышцы, а в целом готовит организмы к выполнению работы с максимальной мощностью. Кроссы и бег на лыжах вызывают более умеренные сдвиги в состоянии нервной системы, но зато они приспособливают мышцы к длительной работе.

Метания и прыжки способствуют развитию скорости, силы, точности, качества с шагом, верхней и нижней конечностей. Такой прикладной вид спорта, как плавание, является в то же время эффективным средством тренировки органов равновесия и дыхания. Подтягивание и заменяющие его виды приспособливают организм к силовым напряжениям, которые не встречаются в жизни каждого человека.

Комплекс построен по принципу постепенного повышения требований к физической подготовленности человека. Пять ступеней ГТО охватывают все этапы нашей жизни, а двойные нормы в каждой ступени (золотой и серебряный значки) должны вызвать стремление к само совершенствованию, дух соревнования, без которого немыслим спорт.

Итак, в новом комплексе ГТО 5 ступеней (раньше их было 3—БГО, ГЗР и собственно ГТО), и каждая из них является в полном смысле этого слова ступенью на пути к физическому совершенству.

Начинать комплекс со ступени, названной «Смельче и ловкие» — это название подчеркивает направленность физического воспитания юного поколения — детей 10—13 лет. Мало развивать у них быстроту, силу, вы-

(29—34 года у женщин), но у при пониженных требованиях. А мужчинам и женщинам старшего возраста отведена пятая ступень — «бодрость и здоровье».

У многих может возникнуть вполне законный вопрос: способен ли нормально здоровый здоровый человек со средними физическими данными сдаться нормативами комплекса?

Я уже говорил о том, что новый комплекс ГТО разработан коллективом ученых многих специальностей. Бригады Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры разработали нормативы на соответствующую возрастную группу в различных зонах нашей страны. Данные, которыми мы располагаем, позволяют с уверенностью утверждать, что лишь 8—10 процентов в каждой возрастной группе (у старшего возраста до 30 процентов) не

со своим результатом 0,7 секунды, в прыжках в длину приблизительно 40 сантиметров, а в высоту — 10, граната должна улететь на 5 метров дальше, и, наконец, в бассейне вам надо плыть быстрее на целых 15 секунд. Конечно, если вы умеете хорошо стрелять, участвовать в турнирах, иметь третий разряд по одному из военно-прикладных видов спорта. Постепенно же на стадион. Теперь у каждого из нас появился — новый верный комплекс ГТО. Он будет сопровождать нас всю жизнь.

A

когда закрывает глаза, ему кажется, что он летит в воздухе, плавно поворачивается, пластичен и гибок... Это не похоже на то, что он переживал когда-либо раньше. Это — совсем иное. Танец, в который вкладывал силу, был реален и стремителен, рассекал пространство, устремленный в себе, в каждой мышце, связке и суставе. Тогда он срастался с гимнастическими снарядами и он снаряд становился единой целью, имеющей смысл лишь в этом единстве: он отдавал свою энергию спорту, а спорту — ему, и вместе они сражались и побеждали.

А сейчас... Нет, он не забыл ни одного из тех первенств, ни одно ощущение, которое доставило ему изобретение, как борешься за перекладину или кольцо, и мышцы привыкли замаконом тутой силой. Он закрывал глаза — и чувствовал, что он летит в внутреннем ярком свете, в дымящихся сухим иньским теплом столях солнечных лучей, переходит из сальто в винт и опять в сальто, — медленно, переворачивается в невесомости, в желтом свете, и откуда-то издалека, а может быть, это сама звоздуха звучит, льется эльем спящая мелодия — то ли гобой, то ли английский рожок...

Его зовут Георгий Решетников.

— Моя любимым спортом всегда была перекладина, — говорит он. — И знаешь почему? Прчин две. Первая: творчески это самый бога-

дишь, и все остальные хотят и, когда даруются — хохочут. Все хохочут, потому что здорово, потому что игра, неожиданное возвращение в детство...

Его прерывает телефонный звонок, Я везу крестик-карандаш, в котором сидит Жора Решетников, в соседнюю комнату, снимаю телефонную трубку и вкладываю ее в полуспущенные тонкие пальцы Жоры.

Ему тридцать лет.

Пять из них он прикован к постели и вот к этому...

Может быть, все-таки надо было рассказать им стоянку на них, сколько о тех, кто был возле него все эти годы? О матери, о его деде с бабкой, о Соне, наконец! Такой хрупкой и слабой с виду Соне, хотя она тоже мастер спорта по гимнастике. Ей приходится, по сути, одной поднимать грузное тело мужа — и утром, и днем, и вечером. Из постели переносить в кресло, из кресла — в станок для упражнений, потом опять в кресло, опять в станок. Уходя на работу (она преподает в Ворошиловградском пединституте): «Миша, ну, поможешь, погоди меня». Он едет в станок, в кресло, в спандэр, в балансир и эспандерами, один на один против них, потому что не отпускает ни днем, ни ночью, и против бессмыслицы, против немоты ног, таких, когда-то неустроимых, надежных и послушных. Остается один на один с этой чертовой работой, которая прежде была бы для него пустяком, а сейчас он даже не знает,

Иванович Марченко. Он говорил, что ему нужны ребята «тонкие, звонкие и прозрачные». «Я из вас сделаю мастера», — пообещал он спортсменам, которых он тренировал, и это было больше. Он воспитал из них бойцов — мукистов и граммов. Он научил их думать — всегда, в любом деле быть не слепыми исполнителями, а готовыми творить и умеющими творить. Они научили их не бояться работы.

Через два года Жора Решетников был уже первозвездником, через три — кандидатом в мастера. Даже музыка, без которой он прежде не мог жить, своей будущей жизни, отступила на второй план.

Вот что рассказывает старший тренер сборной СССР по гимнастике Владимир Михайлович Смолевский, у которого Решетников тренировалась в годы учебы в Центральном институте физкультуры:

— Это было очень талантливый, двигательно одаренный спортсмен. Если сравнивать с другими нашими ребятами, по физической силе он им уступал. Но зато как он был координирован! А самое главное — как он был пластичен. Он понимал, что что-никак, придумывал новые элементы и тут же пытался их сделать. С ним было интересно работать. В его арсенале было несколько элементов экстра-класса, которые до него, ни после него никто не делал. Например, тройное сальто с перекладины. Я даже слов не найду, чтобы передать, какая требуется от спортсмена высочайшая степень точности и координирован-

Игорь АКИМОВ

БУДЬЕТ

ты гимнастический снаряд. На перекладине можно фантазировать бесконечно. Она неискрепреима. Иногда я думаю, что гимнастика только подступает к перекладине, только нащупывает, пытается познать ее законы. А истинный расцвет еще впереди. А вторая причиня для меня даже важнее, пожалуй. Ты будешь смеяться, и все-таки я тебе признаюсь: больше всего я любил кручину на перекладине «спаситель».

— Но это же совсем пустяковое, я бы даже сказал — банальное. Его малыши делают!

Правильно. А на серые зоренованных за простое «соленые еще и баллы скрежут».

Он везде искал игру. Хотел видеть окружающий мир эмоциональным, открытым для радости. Позиция стороннего наблюдателя была ему чужда — он искал, и был активен, и с готовностью включался в любое дело, какое только встречалось на пути.

— Для меня самым легким снарядом был «конь». — рассказываю он. — И самым скучным. Элементов — мизер. Простора для фантазии — никакого. Работаешь по принципу математики: влево — вправо, влево — вправо, круги, круги, и влево — вправо... Тоскал Биокемистик в чистом виде. Даже на смене ритмов сырьем не удается: только тот, что в тебе от рождения заложен, тебе и приведет. В нем и работаете. Как метроном.

— Ну, это тебе занесло, Жора.

— Ничуть. При мне на многих гимнастах ставили такие эксперименты: предлагали выполнить один и то же упражнение на «конях» дважды — с естественной для них скоростью и с самой максимальной, на которую они только способны. Во втором случае он, так сказать, вываливался из машины, не то что на землю. Представляешь, как они бывали поражены, узнав, что разница во времени между обеими попытками чуть больше одной секунды.

— Ну, а «кониц»?

— О, «кониц»! Ведь это не просто упражнение, это полет! Ощущение непередаваемое и ни с чем не сравнимое. И это игра! «Соленые» только один конкурент — батут. Ты когда-нибудь пробовал прыгать на батуте? Нет? А хочешь? Вот ви-

как ее делать,— тело забыло движения, потеряло выработанный однажды стереотип, не слышит приказов — где-то внутри посыпались глухота, — и вот он может только скользнуть на свои ноги, а они молчат... Но он просветится! Он добьется своего!

Растянуть — отпустить... Растянуть — отпустить... — раздается издали в день, в утром, днем и вечером: растянуть — отпустить. И счет идет не на часы, не на минуты и даже не на месяцы. Счет идет на пружины эспандера. Когда он может попросить, чтобы принципиально еще одну (а для этого нужен год или два) — это уже огромная победа. А когда он может сказать: «Вам не кажется, что крайнюю пружину следовало бы заменить? Пожалуй, она слишком ослабла», — это победа вполне.

Однажды он не говорит ему: «Отдохни», и никогда не говорит ему: «Я понимаю, как тебе трудно», — потому что со стороны, если даже ты все время рядом, этого не понять до конца. Только отчаяние можно почувствовать в той же мере, только отчаяние разделить; но она не подпускает к нему отчаяние, она говорит: «Миша, я постараюсь еще...»

С гимнастикой он познакомился случайно. Когда-то в составе комсомола, ему сказали, что комсомол обязательно должен посещать какую-нибудь секцию.

С первым тренером Жора Решетникову не повезло. Мальчик был слабый и хрупкий, а тренер подбирал мускулистых, от природы крепких ребят — силовиков. С ними он работал много и охотно, а «хлипаки» вроде Решетникова кувыркались на матах да висели по-обезьяньи на свободных снарядах: лиши, бы, не мешало. И не мешало, потому что в «хлипаках» были особенности, если парней сильны. Но боролся он всегда не просто ради борьбы, а только за победу.

В этот раз требовалось одно: не уступить. Он убегал, убегал — и убежал, с первой попытки выполнив второй разряд. На финишке к нему подошел незнакомый тренер. «Послушай, парень», — сказал он, — почему я тебя не знаю? У кого тре-нируешься? Переходи ко мне. Я тебя за год ма-

стерства, чтобы ты стал гимнастом. Каково устья такое, что для этого тебе нужно?

— Вы полагаете... спросил я, — Жора был прирожденным гимнастом?

— Может быть... Я отчаяно так потому, — объяснял Смолевский, — что Решетников принадлежит к той счастливой породе талантливых людей, которые за что ни возьмутся — все у них получается, и притом хорошо. Но уж в чем я совершенно уверен — в его лице наша гимнастика должна была получить интереснейшего, современного тренера.

А что по этому поводу думает сам Решетников?

— Однажды, когда я тогда еще был в институте, ученыe провели среди сборной страны специальное обследование. И нас, студентов, захватывали. Замерили на силу, на мощность, на реактивность; прошли верзии прыжков, скорость, выносливость и прочее. Когда подвели итог, спрашивали: «По какому виду спорта изменился?» «Гимнастике», — ответил я. «А они?» — «На гимнастике мы почти идеально учились», — сказал я. «Каково устья такое, что для этого ченапон Москвой?..

Сдавали однажды зачет по лыжам. До этого Решетников их почти не знал. Ну какие лыжи могут быть в Ворошиловграде? В иную землю ровный снег и неделю не лежит. Спортсмены выпускали на лыжню с интервалом в полминуты. Следом, за Решетниковым бежал двоеборец. Решетников вдруг сказал себэ не уступлю. Почему? Да просто потому, что такая гимнастическая форма, что он любил ее, соревновалась в особенности, если парней сильны. Но боролся он всегда не просто ради борьбы, а только за победу.

В этот раз требовалось одно: не уступить. Он убегал, убегал — и убежал, с первой попытки выполнив второй разряд. На финишке к нему подошел незнакомый тренер. «Послушай, парень», — сказал он, — почему я тебя не знаю? У кого тре-нируешься? Переходи ко мне. Я тебя за год ма-

стерства, чтобы ты стал гимнастом».

— Ты думашь, я этого тренера техникой по-

разил? — смеясь, сказал мне Решетников. — Еще чего! Нет, он понял, что я люблю терпеть. Именно в терпении, в преодолении себя, в превозмогании себя для меня главная прелест соревнования.

Я всегда был «терпуном», — все еще улыбаясь, говорил он.

Жадный до спортивных подвигов, он забывал обо всем, оказываясь в роли тренера. Делать каждое занятие своеобразным, не похожим на предыдущее — это не было для него самоцелью, это было естественно. Просто он давал свободу своей фантазии. Найти что-то новое и научить этому других — он и от этого получал глубочайшее удовлетворение; он видел в этом смысл. Просто Смолевский: Решетников — тренер по прошению.

Но однажды все кончилось.

— Такое может случиться только на тренировке. И знаешь почему? На соревнованиях, а тем более на ответственных, ты весь собран, весь сфокусирован в одну точку. Ни на мир не теряешь контроля над собой, каждым движением как сквозь это воловье рабство, а в качестве — зиркония программирующая машина внутри тебя. И тут уж надо сделать усилие, чтобы сломать скованность, раскрепоститься: может быть, даже в какой-то степени расслабиться, но это уже шаг в опасную зону. Потому что тут возникают противоречия: хотя в работе гимнаста нет ничего плавнейшего, естественного и непринужденного, сама-то гимнастика — мир искус-

лосками, яркими пятнами ламп и растянутыми, будто в кривом зеркале, лицами...

— Ну, что ты, — говорит Решетников, — и все ничего похожего нет, совсем ничего такого не ощущаешь? — Я и это происходил помимо сознания, какими-то периферийными зренiem, потому в фокусе пустота, воздух, вот и получается, что не видишь ничего... понимаешь? Нет... Ну как же тебе объяснить?.. На качалках ты качаешься, много ты видел вокруг? В том-то и дело! Но если ты не видел, то и не можешь. Ты не имеешь зрения обращено внутрь, в себя, сосредоточено на ощущениях самого тела, я бы сказал, на эмоциях вестибулярного аппарата. Это одинаково на всех снарядах, и даже в таком «зенитном» виде, как волевые.

— Предположим, — все еще не сдвинься я, — а если взять крайний случай, например, когда ты во время воздушного парада в Тушине выступал с кольца на кольце, и вдруг у тебя вдруг вспомнилось под вертолетом. Не будем говорить про всякие перевороты и прочее. Но ведь ты фиксировал угол и держал стойку из головой и горизонтальную фигуру, но знаешь, как она называется, похожую на ласточку. Неуклюжи ты и тогда не видел ничего вокруг: ни огромной толпы, ни трибуны, ни самолетов, ни броха вертолета, на конец?

— Конечно, не видел. Потому что, едва начи-

вала над гармошками пристосовления для искусственного дыхания, — легли. Она все время была рядом, все время он видел над собой ее лицо, ее застывший от нечеловеческой усталости взгляд, но она никого не подпускала к этим гармошкам, потому, что они были уж больно капризны и в работе с ними требовалась не только сила и выносливость, но и тренированная координация классической гимнастики.

Через двое суток стало ясно, что он будет жить. Дыхание возвращалось. И появились боли в пахах, руках...

Когда это было, Уже почти пять лет! А если перевести на его собственный счет, на бесконные ночи, которые растягивают время стократ, на дневное неподвижное одиночество в этих четырех стенах, на нескончаемую неподвижность — ведь он даже свое кресло не в силах перекатить самостоительно, да и включить телевизор не может...

— Ничего, — смеется он, — прорвемся! Только живи вот со временем тут. Прямо беда.

Тебе времени недостает??

— Ну да! Я часто думал о Царе, Наполеоне и всей этой братии, о которой рассказывают, что они умели заниматься тремя делами одновременно. Боялся, что это липа. А если нет, значит, какой-то секрет знам, потому что, я, например, даже два дела никак не могу, вместе в одно время. Представляешь?.. Я бы мог бы работать в аптеке, с кассиром, с эспандером и одновременно продумывать очередную главу книги. А вот

ПО-МОЕМУ!

ственных движений. Естественность в ней только кажущаяся, она лишь признак совершенства. Знак равенства с естественностью в жизни здесь ставить нельзя. Его здесь не может быть. Разные вещи.

Решетников мечтательно улыбается. Когда он говорит о своей любимой гимнастике, он всегда улыбается. И тут мы видим первую травму, ни пять лет не склонявшие боли — ничего не смогли подделать ни с ним, ни с его чувствами.

— Идеальный случай, — продолжает он, — это золотая середина. Когда на пядесят процентов ты отдаешься чувству (в этом достаточно, чтобы испытать наслаждение, и все эмоциональное состояние отразится на качестве работы и результате), а на пятьдесят процентов — на пятьдесят процентов подчинены разуму. Контроль над собой. Над каждым движением. Поймать и держать эту точку равновесия очень трудно, тем более на тренировке, тем более если у тебя все получается здорово и ты «изведен».

В тот вечер у меня все получалось удивительно. Я сделал несколько раз подряд двойное сальто — там чисто, так красиво, что готов был повторять упражнение бесконечно. И ведь длилось оно всего несколько мгновений, видел, небось, в цирке! Он-ля — и готов. Но когда в нем появился разум, я начал поддаваться, потому что ощущение драматизма, даже паренса. Будто плышишь в воздухе.... Он переворот души и с сожалением заканчивает: — Обычная история: если много и часто «изведен», притупляется сознание самостраховки. По-моему, я делал восмой прыжок. Захлестнуло взлеть выше еще... Забыл о многом о простейших законах биомеханики. Чем больше усилие, направленное вверх, тем слабее вращающий момент. Но я успел сделать второй оборот и чуть задел головой пороплоном мят...

Я всегда думал, что, когда гимнаст «крутится», он видит все вокруг так же, как и я, только сферически в колыцо, со кругом, как в огромной бочке, и это неудивительно, потому что гимнаст и мир, весь плоский, словно нарисованный, проникся перед ним смазанными черно-белыми по-

нашими работами на снаряде, весь мир куда-то пропадает. Я же тебе говорил: это какая-то тайна, какой-то психологический трюк природы.

— Ну, ладно, — отступаю я и, вспомнив одну фразу Смолевского, добавляю напоследок: — И тебе не кажется это странно?

— Ну, что... — смеется он, — еще как!

— Почему же не отказался?

— Так ведь интересно...

...Он лежал, неловко подвернувшись. Боли не было, и сознание ясное. Но тело словно пропало куда-то — он его не чувствовал совсем. Не было такого прыжиного, такого естественного ощущения тела, которое есть у гимнаста, бегущего по земле, расправив ноги, вспомнило в мозгу, но в какой-то странной форме, будто сопровождалось неожиданной неуверенной интонацией: «Да бывает!» Он решил напрочь забыть и не смог. Даже напрягся не смог. Чего-то в нем такого не стало, он еще и сам не понимал, чего именно, но волевые рефлексы проваливались внутрь тела, и он не мог сбрасывать их ни малейшим отвздохом в себе не слышал.

Над ним склонились знакомые лица: ребята, тренер. В их глазах он читал только внимание и готовность помочь. Они еще не знали того, что уже знал он.

— Ничего, ребята, — сказал он, — это ничего. И подумал: «Слава Богу, говорю...»

— Не прогоняйте меня, — сказал он, — и давайте «коробку».

Позже была шумная палата в хирургическом отделении 4-й городской больницы. Примчалась Соня. Всемрая успела, потому что дыхание почты совсем пропало. Он старался ей улыбаться и подбадривать, но чувствовал, что сейчас умрет, просто потому, что в легких перестал поступать воздух...

Потом все стало путься: то пропадало, то возникало, вновь. Кашель — лицо, определенная, очертанная маска, лестничные марши... Мама! Ну да, мама... Откуда ты? Он видел, что его везут в машину, очень долго, потом, опять больничные коридоры и потолки, и все время рядом была Соня, которая ритмично, как автомат, колдо-

валася над гармошками пристосовления для искусственного дыхания, — легли. Она все время была рядом, все время он видел над собой ее лицо, ее застывший от нечеловеческой усталости взгляд, но она никого не подпускала к этим гармошкам, потому, что они были уж больно капризны и в работе с ними требовалась не только сила и выносливость, но и тренированная координация классической гимнастики.

Через двое суток стало ясно, что он будет жить. Дыхание возвращалось. И появились боли в пахах, руках...

Когда это было, Уже почти пять лет! А если перевести на его собственный счет, на бесконечные ночи, которые растягивают время стократ, на дневное неподвижное одиночество в этих четырех стенах, на нескончаемую неподвижность — ведь он даже свое кресло не в силах перекатить самостотельно, да и включить телевизор не может...

— Ничего, — смеется он, — прорвемся! Только живи вот со временем тут. Прямо беда.

Тебе времени недостает??

— Ну да! Я часто думал о Царе, Наполеоне и всей этой братии, о которой рассказывают, что они умели заниматься тремя делами одновременно. Боялся, что это липа. А если нет, значит, какой-то секрет знам, потому что, я, например, даже два дела никак не могу, вместе в одно время. Представляешь?.. Я бы мог бы работать в аптеке, с кассиром, с эспандером и одновременно продумывать очередную главу книги. А вот

— Смотри! Будь точен, — напутствует он. — Пряходи ровно в восемь.

Я отхожу и лежу. А Соня засыпает мужа в спальне, сорванные блоки, цепляют ремни и эспандеры. Смотрю на часы: неужели так долгой?.. И вдруг встречаю его взгляд. Он полуобернулся ко мне, морщит нос — очень смешливый парень.

— Я знаю, что ты думаешь, — говорит он. — Я же все понимаю. Но вот увидишь, все равно будешь по-моему. Я все равно пойду!

Быть живым

Павел БАГРЯК   Фантастический детектив

еро! — неожиданно согласился Гард.
— Быстрое признание делает вам честь, — улыбнулась Динст. — Кто же вы? И какова ваша цель? Надеюсь, мы подадим?

Гард встал, и рука Дины Динст дернулась, как карманничка. Дуло крохотного пистолета холодно смотрело на комиссара.

— Я люблю рассказывать, прохаживаясь, — успокоила Гарда собеседница. — Не убирай меня и себя этой штучкой. Давайте лучше пофантазируем. Могу я быть агентом конкурирующей фирмы, желающей получить кое-какие ваши секреты?

— У нас конкурентов нет и быть не может, — сухо сказала Дина Динст, не убирая пистолета.

— Предположим. А что вы скажете, если я спешиваю представителя нашей, которому поручено проникнуть в вашу лабораторию? Бесплатность?

Глава Дина Динст сокрушилась, она напряглась, сомнение пробежало по ее лицу.

— Вот произнесу сейчас нечто такое, — продолжал Гард, — что будет выше всех паромей, и вы поймете, что я не только сильнее вас, но и старше по должности. А?

Гард почти физически ощущал, как инициатива переходит к нему. Она молчала: ни слова в ответ, одиночное ожидание. Но обе руки уже легли на колени, пальцы скимали друг друга, первично перебирали фаланги, как четки.

Пройдя из угла в угол комнаты, Гард выдержал паузу, а затем машинально сказал себе: «Ну, пора в реальную жизнь» — и продолжал:

— Но дело еще серьезнее, дорогая моя Дина Динст, нежели вы можете себе представить. Я не сотрудник конкурирующей фирмы, не представитель шефа и даже не агент иностранной разведки. Я очень опасный для вас человек, мадам. И не только для вас. Для шефа тоже. Для всей вашей фирмы. Мое имя Гард. Дэвид Гард, комиссар полиции, разрешите представиться!

И Гард поклонился.

Он не сделал ни одного движенья, не арочнула ни единой мускул. «Вот это выдержанка! — восхищенно подумал комиссар. — Если вернусь живым и невредимым, непременно наберу в помощники одних женщин!» Ее реакция вполне удовлетворила Гарда, подтверждая некоторые его догадки. Это была реакция хоть и мужественного, но врача, а если она враг комиссару полиции, значит, она представляет не государственное учреждение, санкционированное правительством, а частную лавочку. Хуже было бы, если бы она вдруг расхохоталась, дав понять, что ей куда спокойней иметь дело с родной полицией, нежели, к примеру, с иностранной разведкой. Она боялась Гарда, хотя и не показывала вида, что боится.

Начало в № 1—8.   Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Итак, дорогая моя, прошу вас помнить: я не частный детектив, и когда я действую, то происходит с ведомом властей. Улавливаете? О том, что я здесь, там известно... Комиссар показал пальцем на потолок. — Если до определенного дня и часа я буду находиться в вашем кабинете, то это действие, и вам придется иметь дело с новыми гостями, которые, как вы отлично понимаете, уже знают к вам дорого. Короче говоря, я советую вам торопиться! Прежде всего познакомьте меня с тем, что делается в вашей «зоне». А для начала представьте меня шефу. Вот так.

И Гард, повернувшись, пошел к двери.

— Сядите! — вдруг приказала Дина Динст.

Комиссар остановился, но посмотрел на нее.

— Погорячее, — сказал — в руках у женщины звонка бахрома пистолет.

— Не делайте глупостей, Дина Динст! — спокойно произнес Гард, продолжая стоять. — Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— И тем не менее сядте!

Она была неумолима, и Гард понял, что если он сделает еще один шаг, ее ножны падут на курок.

— Вы хотели привлечь меня электрическим стулом или головой камеры? — спросила она, склонившись к Дине Динст. — Человек, который занимается тем, чем занимается я, уже ничего не боится. Запомните это, комиссар Алан Гард! И сядьте. Я не могу позволить вам выйти из этой комнаты, будь вы самим президентом. Но как в чём вы правы, комиссар. И потому будете представлены.

— Шефу?

— Возможно.

Глава 15. КУПОЛ

Захват центрального поста по своей премиальности и эффективности мог претендовать на место в антологии пурпур и мятежей.

Пройдя двумя длинными чистыми и светлыми коридорами, Шиз и полугодовая тробка остановились на двери с номером 001. Все дальнейшее прошлося на бровях двух минут. Сюзи открыла дверь и вошла в комнату, сияя похожую на комитут. Шиз, только все сдесь было побольше пульта Тараторы, сидел на стуле, на котором сидел, а не сидел, она. Кота, правда, не было. За пультом сидел симпатичный парень в костюме из синего комбинезона и голубой рубашке. У стены за молельнико столиком двое в форме охранников играли в наряды. Больше никого в пультовой не было.

Так вот. Сюзи вошла в свое черно-желтое купальнико с полотенцем через плечо, трижды крахмала мокрыми золотистыми кудряшами и не спеша пошла к пульту. Молодой человек отглянулся на нее и с удивлением обнаружил, что она не одна. Шиз как громом пораженные, выхватил глаза и открыл рты. Сюзи подошла к пульту, взяла полотенце и не сгнояла стала обматывать его вокруг головки микрофона, торчащего на тонком стебле. А все смотрели, не мигая, не то, что она делает, и молчали. И только когда Сюзи уже навернула все полотенце, молодой человек слегутил и выдавил из себя:

— Э, простите, вы, собственно...

— Вставай! Тараторы с пистолетом в руках уже вошли в комнату! — Руки! Вам повернулась лицом к стене! Живо!

И все встали, и подняли руки, и повернулись лицом к стене. Совершенно молча. Честер, бросив в пол моток провода, прошелся босиком к охранникам и вытащил из них из рук пистолеты.

— Забери и вон там, — сказала Тараторы и кинула в сторону двери. Там стоял для автомата.

На первом этаже — С этими словами Шиз перебросила пистолет в пультовую пульту. — И чтобы ни они далько не спустились в эту пропасть, икою! — Сюзи выбрызгала электронные шифры. — Порядок, — сказала она. — А теперь надо взбрызгать все осталомые. Слушай, — он обернулся к Тараторе, — а на чертё как нам вязать? Давай их просто запримеши в аккумуляторной.

— Они там ничего не сумеют повторить? — Могут написать кислоты, — сказала Шиз.

И еще через минуту Тараторы и Честер, вооруженные пистолетами, уже заперли свои пленников в кисло пахнущей каморке, где на стеллажах заряжались аккумуляторы.

— Очень чистая работа, — сказал Тараторы. — Понадочили в Динст.

— Я возьму полотенце, — сказала Сюзи.

— Зачем? — удивилась Тараторы.

— Возьми, возьми, — сказала Шиз, — это мое полотенце.

Честер ловил себя на том, что ему кажется, будто они в салоне корабля. Однажды редакция еженедельника «Зеркало галактики» послала его

на Бермуды, где проходил всемирный конгресс паразитов, которые называли себя членами союза «праздных». Требовалось написать восторженный репортаж под заранее придуманным заголовком «Испытания отдыха», и Честер согласился — это было несложно, ведь он знал, что нужно сделать, чтобы Анна сразу почувствовала великолепие бедности. Так вот тогда он пытался, на огромном океанском лайнере со своим тонким же коридорами во втором классе. Вот такой же был свет матовых плафонов, и чистота, и двери как с такими же золотистыми номерами. Честер болел морской болезнью, но лайнер совсем не качало, как не качало и тут. Но он постоянно ощущал, что находится не в сундуке, чужом подиуме, и что-то в нем было не то. И вдруг он почувствовал, что болеющая машина. Задыхалась так же. Он сначала не обращал на это внимания, но теперь ему стало совершенно ясно, что вину работает какой-то громоздкий механизм. Была еще одна деталь, которая напоминала Честеру бермудский лайнер: головы Тараторы и Сюзи. Так же по всему пароходу шли самые, которые загорали на верхних палубах и бахтались в купальных бассейнах.

Шиз остановилась и дернула ручку одной из дверей.

— Заперяй, черти! — с азосадкой произнес он.

— Что запирашь? Как будто в этом чертовом подземье можно что-нибудь спрятать.

— Наверное, — предположила Тараторы, неожиданно забросив очередную уличку, — можно украдти синийкиных?

Шиз обернулась:

— Синийких? Ех, нет... Синийких украсить никак нельзя. С все хотите, но не синийких.

— Потому что синийких Сюзи.

Потому что больше он ничего не скажет! — Итак, тут замерло. Можем пройти по галереям, да если там не отключены лифты.

Они повернулись в коридор налево и стали визираться по винтовому трапу.

— Ты знаешь, что обладает всем? — прошептала Сюзи, взяла Тараторы под руку, когда они первые добрались галерей. — Ты будешь смеяться, но скажи, что Мэри, или Каролина не поверят во единство покоящегося! И будут правы! Это же черт знает что такое! Это же не какой-нибудь птичка в пещере, это же... не знаю, как называть. Это привычковщина!

— Как бы тебе не пришлась пожалеть об этом... — усмехнулся Тараторы.

— Никогда! — с жаром произнесла Сюзи.

— Единственное, о чем я пока жалею, так это о том, что не было стрельбы, и ты очень глупо выглядишь.

— Не торопись, — улыбнула она Тараторы. — Без этого же не обойдется.

Лифты в галерее были отключены. Шиз спешно начал чертиться, попытавшись всех и вся и ругаться, наверное, очень долго, если бы не Честер, который перебил его вопросом: есть ли еще какой-нибудь путь к Гарду. Шиз задумалась.

— Вообще-то есть, — медленно сказала он, — но лучше туда не ходить.

— Отлично!

— Да нет, просто страшно.

— А, архижучко... мягко сказала Тараторы. — Так не пойдет. Это не разговор серьезных людей.

— Никакие опасности нас не страшат! — храбро добавила Сюзи.

— Прим — често опасности,— вдруг сунул тихо кислая Сюзи. — Плавай я хотела на все опасности, честя, что хадери совсем... Это просто страшно. Еслас можу туда хадить, я туда никогда не пойду.

Они снова спустились по винтовому трапу, прошли каким-то светлым и пустынным коридором и остановились перед массивной дверью со штурвалом, которые обычно устраивались в атомных газобуждениях. Шиз повернула штурвал и потянула дверь на себя. Она тяжело отошла. Честер хотел шагнуть первым, но Тараторы остановил его, тронув по плечу.

— Погоди, — сказала инспектор. — Эта штука просится туда первая! — Она сунула руку в карман и достала из него пистолет, который всегда висел на поясе. Честер, сунув руку в карман, окружил ее, и пистолет довольно замысловато, похожую одновременно и на автоматическую межпланетную станцию и на кассовый аппарат. Потом он заметил еще несколько таких штук вдалеке. Все отошлища от машин держали в руках динамитные, такие белые палочки, с виду очень похожие на бумажные ленты, и медленно их лягали куда-то в пространство. Честер подумал, вдруг, что все эти синие больше всего на оживших поклонников.

Боже мой, боже мой!

Он услышал тихий шепот и обернулся. Сюзи, не отрываясь, во все глаза смотрела на обитателя купола.

— Пойдемте отсюда, — предложила Шиз.

— Сколько я здесь? — спросила Тараторы.

— Может, сто. А может, и двести, — нехотя ответил Шиз.

Честер окинул взглядом все пространство под куполом. Да, тут было, наверное, человек двести молодых мужчин и женщин. Странным казалось и то, что, живя на ограниченнном пространстве,

шире. После яркого света коридоров пространство за дверью показалось им пончалу совсем темным, хотя темноты вовсе не было. Роний, мягкий, мертвый сине-серебристый свет залывал открывшуюся перед ними картины.

И Честер, который мог сказать Фразу Частеру, что он видит, еще до этого жуткого мгновения синий свет скажет его сердце, и все существо Фреда наполнялось неосознанной и нестерпимой тоской...

Они стояли у подножия гигантского прозрачного купола. Трудно сказать, каковы были его истинные размеры. Круг в основании имел очевидно, диаметр около ста пятидесяти метров, находился внутри огромной залы, какая-то, которая додавалась, внутри купола, и вспыхнула. Вокруг зала, как и купола, стояла одна колоссальная блокова. Она стояла как раз на нижнем из них. В стены и потолок зала, окружающего купол, были замонтированы синие светильники, создающие гнетущий подумар. Недалеко от них нижний балкон расширялся, и там приглушенным светом светились какие-то маленькие лампочки, не сразу можно было понять, что там пульты. Всю полусферу купола — синебристо-серебристую, прозрачную — была гладкой, без складок, блестящей матовой.

Честер склонил от стороны купола Таратору и шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть, что же находится внутри купола. Впрочем, видно все было отчуждено и так.

Там двигались синие люди.

В их облике не было ничего страшного, в чертах лиц — ничего уродливого, просто они были синими. Главное было не в цвете их кожи, а в том, что они двигались, как смотрели и общались друг с другом.

Были и другие комарные сини, когда ты махаешь ими, и есть летчи, всем существом ожаждая впереди какую-то смертельную опасность, понимая, что каждое движение твоё гибелью, и все же не можешь остановиться. В эти секунды беззвучный крик отчаяния переполняет тебя, но и крикнуть ты не в состоянии. Поднимаясь незримой волной, ты уже не腊стен над собой, своим телом, своей жизнью, из-за этого и быть тебе мага дрожь, и капли холода потом разыграются, как привидения.

Так вот эти синие люди двигались, как привидения, они были, словно призраки, бесстыдцы, и, казалось, надо крикнуть, ударить в звонкий гонг, чтобы они видели встремленную сбросили с себя вязкий дурман и взглянули друг на друга, как смотрят люди.

Честер поймал взгляд девушки, стоящей за прозрачным преградой, блаже других к нему, и увидел в ее глазах долий, привычный и одновременно удивленный ужас. Это не был взгляд затравленного животного, запутавшегося или лишенного разума землянина, это был взгляд сейчас чего-то конкретного, не страшника никчемой реальности опасности, взгляда ее было самое страшное.

Всё обширное пространство под куполом, совершенно ровное, было покрыто по крупицам синевенным песком, но не опаками и напоминало цирковую арену. В этой пустыне не видно было ни зданий, ни хижин, ни каких-либо признаков жизни, кроме синих, синеватых следов человеческой утвари: мебели, посуды, яиц. Синие люди были прикрыты серебристыми то ли плащами, то ли комбинезонами. Многие из них просто стояли молча и одиноко, другие медленно передвигались с места на место без видимой цели. Можно было заметить несколько темениющих групп. Ближайшая такая группа даруг расплывалась, расплывалась — они ходили так, что слово «ходили» подходило здесь больше, чем слово «ходили». Честер, сунув руку в карман, окружил ее, и пистолет замысловато, похожую одновременно и на автоматическую межпланетную станцию и на кассовый аппарат. Потом он заметил еще несколько таких штук вдалеке. Все отошлища от машин держали в руках динамитные, такие белые палочки, с виду очень похожие на бумажные ленты, и медленно их лягали куда-то в пространство. Честер подумал, вдруг, что все эти синие больше всего на оживших поклонников.

Боже мой, боже мой!

Он услышал тихий шепот и обернулся. Сюзи, не отрываясь, во все глаза смотрела на обитателя купола.

— Пойдемте отсюда, — предложила Шиз.

— Сколько я здесь? — спросила Тараторы.

— Может, сто. А может, и двести, — нехотя ответила Шиз.

Честер окинул взглядом все пространство под куполом. Да, тут было, наверное, человек двести молодых мужчин и женщин. Странным казалось и то, что, живя на ограниченнном пространстве,

они принимали такие позы, что создавали зримую иллюзию некоего единичного: одного синего человека отдалены друг от друга миллионы. Разгадка дальше фигуры Честер заметил вдруг, что некоторые из них двигались чуть быстрее, что было подсказано в себе этот комар медитативности. Честер испомянул чайку, что эти более быстрые существа вроде бы были другие.—перспектива сферы искала масштаб расстояний? Просто они думали об Честере.

И вдруг, как молния, ударила в голову страшная мысль: это дети! И, поняв это, Честер, словно сорвавшись с привычного ужаса, метнулся по колевому балкону сквозь кипу противоположного ему колючего дна.

Куда? Кинул Таратору, но Фред не слышал его, он несся, что было сил, и под сводом огромного зала громко б发挥了 его бегом.

Таратора бросали следом. Он не поспевал за журналистом, хотя был неплохим бегуном. Честер обогнал его метров на пятьдесят, потом вдруг остановился, рванувшись вперед. И, распластав руки, упал на синий прозрачный купол, и все они—подобающим с пистолетом в руке Таратору, оденченном месте Сюзи и Шиз—услышали странный, автогенерализующий вопль:

Майк!!!

Зад газула, и со всех сторон понеслось каркашее эхо:

Айя! Айя! Айя!

И тут Таратора увидел Майкла. На нем был такой же серебристый комбинезон или плащ, а сам мальчик стоял один, неподалеку от края сферы. Синева кожи не исказила выражения лица его черты, это было лицо Майкла, только синевы не было, и это глупо. Он просто стоял, опущенная рука, ничего не видя и не слыша, и смотрел куда-то поверх куполов, поверх фигуры отца с тем выражением привычного и спокойного состояния, которое Честер видел здесь до боли невоснимым.

Когда подошли Сюзи и Шиз, Честер все еще лежал на куполе, мертво распластавшись, как будто он упал на этот синий шар с какой-то неоградимой высоты. Таратора тронул его за плечо:

— Встань, Фред. Надо идти. Здесь мы не сделаем ничего.

Дай мне пистолет,— глухо сказала Честер, поднимаясь.

— Ни черта не делаешь пистолетом,— тихо прорвала Шиз.— Пули его не возьмут. А потом, этого делать нельзя, вы их убьете... Всех... К чертов материи...

Он двинулся по колевому балкону, Сюзи за ним, Таратора, взыв под руку Честера, пошел следом. Честер продолжал оглядываться на Майкла, но ребенок не реагировал, не двигался, не менял выражения лица на минуту.

— Вот,— сказала Шиз, когда они подошли к нише с ограждениями, которую Честер вначале принял за пульт.— Смотрите внимательно...

Это был демонстрационный зал с множеством приборов. Под каждым из них были аккуратные таблички, но они ничего не объясняли Честеру.

Плавными волнами катились на зеленом экране светящаяся красина: «Уровень радиации в поисках». Проблема с «бесконечной» радиацией, сосланные из светящегося тоннеля: «24 часа 18 минут», «что за чушька»— подумал Таратора.— Как это может быть? Наверное, 0 часов 18 минут?

И вдруг Честер увидел: «Давление под куполом»— 6 миль/абард!— «Температура под куполом»— минус 94°! Он не мог вымолвить ни слова, не мог даже переступить дух. Если эти стрелки не врут, там, под куполом, была ледяная пустота. Как они могли жить там?

— Айя! — сказала Шиз.

— Я остановлю ее,— сказала Честер.

— Это бессмысленно,— тихо произнес Таратора.— Ты ничего не добьешься, Фред. По крайней мере здесь. Мы еще вернемся сюда...

Глава 16. СМЕНА ВЛАСТЕЙ

— Надеюсь, мне не придется долго ждать,— сказал Гард после того, как Дина Динст признала его право разговаривать с пистолетом.— Времени у меня, да и у вас тоже, в обрез.

— Возможно,— неопределенно ответил Динст.— Теперь все зависит от тебя. Наберитесь терпения.

Но что ж, ждать так ждать, решил Гард, хотя, собственно говоря, ничего другого ему не оставалось.

Они уселись в разных концах комнаты на почтительном расстоянии друг от друга и замолчали. Прошло пять минут, затем десет.

— Скажите, мадам,— прервал Гард, молчание, потому что не доверял своим людям и

сами исполняете роль охранника? Вам больше нечего делать?

Вы слишком хитры и опасны,— коротко отвела Динст.

А в неизвестную ситуацию попал комиссар полиции, пожалуй, такого в его практике еще не было: пленник собственных пленников! Хотя, конечно, профессия сцикера только тем и хороша, что, каков бы отвратительное положение ни находилась, всегда можно утешить себя представлением о еще более худшем.

Гард, сидя в кресле на Дину. Ее рука уже не

сжимала сумку, но браунинг в кармане, а спокойно лежала на подлокотнике кресла. Но взгляд был прикован к комиссару.

Вы можете, именно в этом и заключается в настоящий момент его единственной козырь? Он может расслабиться, до конца сбросить с себя напряжение, способствовать своей мозг от каких бы то было раздумий, тревог и предчувствий, стягнуть с себя мучительность, ощущение, что он не существует?

Динст же, даже успев, — вот взят сейчас и успевший забыть слова для самой решительной минуты, от которой будет зависеть его жизнь или смерть. Динст не сидит с места — комиссар был в этом уверен,— а его странное поведение еще больше насторожил ее. Гард невольно улыбнулся этим мыслям, тут же отмечая про себя, что даже улыбка играет на последнюю роль в психической атаке на Дину Динст. Затем он поудобней устроился в кресле и мгновенно успокоился.

Когда он открыл глаза, все было так же, словно он проспал минуты. Динст сидела на том же месте, в той же позе, но только глаза ее не скользили потускнеющими.

Тогда Гард решительно и бодро встал — сама комада продиктовала ему, хорошо отдохнувши, такое действие — и, манипуляльно глянув на запись левой руки, где когда-то были его часы, словно желая этим сказать, что время истекло, прошел:

— Извините, мадам, я вынужден принять свои меры, если...

— Что «если»? — сказала Дина Динст, и в ее голосе Гард услыхал совершенно новую, опущенную нотку:

— Если вы немедленно не пронiformируете меня о том, что здесь происходит.

Она уставилась на Гарда, не имея никакой близости к нему. Или пришло к ней безразличие? Или она поняла, что теперь, когда до позывания шеф оставил считанные часы или минуты, можно позволить себе сблизость с нормальным человеком? Помогут ли часы, Дина Динст что-то вспомнила про себя и сказала:

Хорошо. Для разговора с шефом вам, возможно, даже будет полезно знать, чем мы занимаемся.

— Почему же раньше? — начал было Гард, но Динст его перебила:

— Шеф на подите, у нас есть около тридцати минут. Господи! — сказала она в крохотном микрофончик, торчащем на письменном столе. — Пушу вас, господи!

Открылась дверь, и в комнату вошли два человека, которых Гард никогда не видел, ожидавших приглашения не одну минуту, зная при этом, для чего их вызвали. Умы, пока комиссар спал, Дина Динст, как говорится, не дремала.

Воздушное сдерживание поклонились Гарду, один — совершенно смуглой головой, хотя был явно molto своего коллеги, другой — иссиня-черной шевелюрой, непринужденно контрастирующей со старым, сморщенным лицом.

Профессор Янчи — представила сыгравшего Дина — Профессор Бирончаки.

Они еще раз поклонились.

— Какие «драмы»? — подумал Гард.

— Надеюсь, мне нет нужды вам представлятья. Приступи к делу, — сказал он сухо. — Меня интересуют дети, которые здесь находятся.

Профессор Янчи смеялся наклонив лицо к Дине Динст, чтобы она не видела, как он улыбнулся. Тогда он положил к стене телефонную трубку, оторвал ее, выпустил кассету и привычно заправил ее в приставку, стоявшую в углу телевизора. Бирончаки сожгла руки на груди, а Дина Динст по-кампанию сожгла Гарду рукой на кресло.

Кино! Этой Гард не ожидал. Он думал, что сейчас поспешил долгое или, возможно, короткое, но обязательное словесное объяснение, они освободятся от груза тайны, Гард примет на себя этот груз, затем начнет задавать вопросы, они будут уклоняться от ответов, пока не явится шеф и не скажет, что комиссару помешают. Гард верил в это, верил, что он не ошибся. И Гард знал, что готов поверить словам, если увидит все собственные глазами, и вот тогда начнутся настоящие сложности: уходы и лягушки, проволочки времени и увертки, и не будет этому ни конца,

ни края. И вдруг на тебе, смотри, получай, как говорится, товар лицом!

Потрясенно, даже плачущая своей необычностью открыла.

Впрочем, что они хотят показать Гарду? Быть может, какой-нибудь видовой фильм братьев Студиос или последнюю комедию с участием Юм-Рожер? А потом скажут, что это было необходимо для психолого-педагогической подготовки комиссара к серийному разбойнику?

Засвистела скрипка.

Гард сел, взял сигарету.

Они первые же кадры, в отрывном цвете показавших ему обитателей купола, сделались комиссару как-то нехорошо от этих плавающих походок, от бумажных лент, которые они медленно и безуспешно подталкивали, от их застывших в привычном узле взглядов, от синевы их тел, сиреневости песка, безысходности поз, от самого маркетинга, который был непонятен Гарду, но антигравитационной противоположностью которого была звонкая, жутко и страшно поражающая мозг нормального человека.

Хватит! — Гард больше не мог сдержать себя.

Экран. Комиссар сидел в кресле, закрыл лицо руками. Профессоры молчали, смотрели на него с леденящей душу безразличием. Дина Динст ждала дальнейшей реакции Гарда.

— Смысла? — с трудом выдавил он из себя.

Они молчали.

— Я спрашиваю: смысл?! — почти вскричала комиссар. — Вы показали мне детей! Это то, чем вы занимаетесь? Почему они синие? Зачем так едят? И так ходят? Зачем? Что это значит?

— Прежде всего, — с достоинством начал профессор Янчи, — не получив ответа на эти вопросы, не торопитесь считать нас преступщиками. Мы ученики, и...

— Не могу! — прервал его Гард, искашивая с кресла. — Не могу потому, что похищение детей само по себе преступство и свидетельствует о преступном характере. И не торопитесь, господи! Даже если вы краем дадите...

— Господи Гард,— вспомнила Дина. — не стоит производить обличительные речи. Оцените реальность обстановки: мы здесь не подсудимые, а вы комиссар позиции лишь при одном условии: если вы примите нашу позицию. В противном случае...

Она вздрогнула, словно перепугалась, и Гард, глядя на нее, понял, что за его спиной произошло нечто такое, что заставило Дину Динст обескураженно замолчать. Профессор Янчи тоже поклонилась назад, а Бирончаки, поднявшись как-то смело, медленно поднимать руки кверху. Шестым чувством, оценив ситуацию, Гард не обнаружил, а наоборот, приблизился к Дине Динст и сухо сказал:

Положите руки на стол. Не двигайтесь. Вот так.

Потом он налипал, выпустил из ее кармана браунинг и лицо тогда позади себя обернулся.

В распахнутых дверях стояла почти голая Честер, Таратора и девушка, которую Гард глядел то, видя ее не мог сейчас припомнить, где именно.

— Очевидно, — только — и это было первое, что произнес комиссар деловыми тоном, как будто появление его друзей было заранее запланировано и вот наконец осуществилось.

Мы видели Майкла! — сказал Честер. — Он там, под куполом.

— Спокойно, Фред, спокойно, — тихо произнес Гард. — Еще не все потеряно.

Таратора, одной рукой держа пистолет, другой быстро опустил карманы профессоров.

— Проверь сесть, господи! — сказал Гард. — Инспектор, внимательно следите за этой особой и пресекайте каждое ее движение. Не позволяйте ей ни до чего дотрагиваться! Здесь полно микрофонов, книг, клавиш и бог знает чего еще.

— Шиз! — позвал Таратора, и только сейчас в комнату как-то боком вошел электрик, стараясь не глядеть в глаза Дины Динст, словно боится гипноза. — Будьте любезны, обеспечьте нам одиночество.

— У, дьявол! — пробурчал Шиз, явно адресуясь к Дине, но проклятому не глядя на нее. — К чертам твоим!

С этими словами, не скрывая удовольствия, он медленно, с явным чувством выполненного долга, покинул комнату, приводя в порядок куполы и оклады дверей. А Таратора, сидя на стуле, словно гипнотизированный, смотрел в угол комнаты, где стояла Дина Динст.

Гард, ничего не понимая, следил за действиями

главная площадь в рабочем квартале Ганновера называется «Рынок под деревьями». Деревья на площади для милозорства, постовому названия сменились реальностью временного: Рынок под липами стал именоваться «Красной точкой».

Движение «Ротер пункт», что в переводе означает «красная точка», возникло еще в 1969 году в Ганновере, откуда перебралось в Бонн, Гельзенкирхен, Гамбург и другие города ФРГ. Началось с пикетов у автобусных остановок. На больших щитах с красным кругом наверху пассажиры расписывались в знак протеста против повышения стоимости проезда на городском транспорте. Затем «Ротер пункт» превратился в единую организацию рабочих, социал-демократов, профсоюзных лидеров, союза Социалистическая немецкая рабочая молодежь и других прогрессивных сил против всеобщего роста цен в ФРГ. А с 17 по 19 сентября прошлого года Ганновер с его Рынком под липами вновь был «Красной точкой» на карте страны, ибо в те дни там состоялся первый Рабочий фестиваль искусств «Ротер пункт».

Искусство и стоимость автобусного билета! Пусть этот вопрос остается пока полуоткрытым. Скажу лишь, что в вынесшей Западной Германии весьма громко заявил о себе муз, имя которой — «Айзак».

Добропорядочный боргер что есть силы ждет на акселератор, проезжая мимо деревянного помоста, на котором несколько молодых городских лидеров сидят вокруг в форме лозунгов, гремят гитарами и распинают кукол генерала-инициал баварского монополиста. Из социал-демократической партии исключен популярный исполнитель политических песен Франц-Йозеф Дегенхардт за то, что он дал на земельных выборах концерт в пользу кандидата-коммуниста, «ЧПГ Гредет уличным театром!» — называет свою новую пьесу местный писатель Мартин Гансен.

Так что же это? И впрямь ЧПГ! Новый бунт молодежи — на театральных подиумах! Явление искусства, где, говоря словами Луначарского, «все приходит, все на котурах, все в рупорах»...

Безусловно. Однако важно уточнить: актеры этого театра вполне подготовлены для роли рабыни, быть может, и не всегда это становится очевидно. Оттепель, наступившая в социальной Германии ФРГ после двух десятков лет «холодной войны», которую начал канцлер Аденауэр и продолжили Эрхард и Кизингер, немедленно должна была вызвать отклики в искусстве. Понемынке именно через политический театр, политическую песню! Здесь тоже свои закономерности, связанные с тем, что в Германии, кроме немецкого рабочего движения...

Иполь скоро было упомянутое искусство в рупор, простящая ассоциация заставляет вспомнить широко известный в двадцатые годы театр германских комсомольцев «Красный рупор». Этот коллектив существовал с 1925 года до середины 1933-го [до середины 33-го]. Есть ли еще пример подобного антифашистского театра? Да, был первый в Европе «альтер-групп-труппой». Коммунистического союза молодежи Германии и по поручению ЦК КПГ издавал молодежный журнал «Красный рупор».

«В превеликом напряжении и волнении зала, под грохот аплодисментов выступает весь ансамбль «Красный рупор» в полном составе — восемь человек. Девятый сидит за роялем. И до полуночи — пять часов

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
специальный
корреспондент «Смены»

ЭХО

РАБОЧИЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИСКУССТВ «РОТЕР
ПУНКТ». ВЫСТАУЛАТ
МОНХЕНСКИЙ УЛИЧНЫЙ
«ТЕАТР К.».

КРАСНОГО РУПОРА

без передышки — комсомольские актеры занимают сцену...

Это очень похоже на «Синюю блузу» из сюжета национального героя немецкого политического. Ребята извергают целые тут зефис и позугаи, они прочитывают под музыку и барабан целые резолюции.

У нас бы это осудили, особенно по нынешним временам, когда нет никакой необходимости приживать агитацию ко всему, что попадается под руку. Здесь, где рабочий, да и то да и то, вспомнил, имеет единственную «изюминку» самой человечности, политическая часть спектакля поглощается жадно, как быры воды на раскаленном железе...

Это из рестората, переданного Михаилом Колцовым в «Правду» из Германии летом 1932 года. Тогда «Красный рупор» в течение девяти месяцев ездил по стране с программой о Советском Союзе, изображая [снова цитирую] «...и Октябрьскую

революцию, и гражданскую войну, и восстановление промышленности, и борьбу с оппозицией, Днепрострой, и так далее».

Тут же зеваки и разозлены под барабан. Платокэт такого театра был устроен сродни нашему Траму. Только что из сюжета национального героя немецкого политического. Ребята извергают целые тут зефис и позугаи, они прочитывают под музыку и барабан целые резолюции.

У нас бы это осудили, особенно по нынешним временам, когда нет никакой необходимости приживать агитацию ко всему, что попадается под руку. Здесь, где рабочий, да и то да и то, вспомнил, имеет единственную «изюминку» самой человечности, политическая часть спектакля поглощается жадно, как быры воды на раскаленном железе...

му поведению, имеющему своей целью изменение мира» — открыто провозглашал сын аugsбургского фабриканта, служившего санитаром в мировой войне, избранный в Совет рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1918-го, драматург Бертольт Брехт.

В 1926 году он формулирует принципы «эпического театра в противовес театру обычному, «аристократическому». Брехт открыл рассказы на сцене, но не действия, он заставляет самого зрителя принимать решения, он обращается к разуму его, призываю к работе с языком. Бергман, драматургический папа, писец-комониг, выходит за другой свою «учебные», «поучительные» пьесы. И если его «Трехгрозовая опера», поставленная в 1928 году в знаменитом берлинском театре на Шифферзальдам, была примером такой «поучительности», то тем более декларативность, нарочитая плакатность были харак-

терни для работы Брехта в «Красном руоре».

Разумеется, говоря о политическом театре в Германии двадцатых годов, нельзя, помимо Брехта, Эйслера, Пикатора, не назвать писателей Франца Вольфа, актера Ганса Эрнста Бирка, художника Диана Хартенда. Нельзя упомянуть и об огромном влиянии советского театра — пьесы Маяковского, постановок Мейерхольда. И очевидно, что даже столь легкое перечисление имен дает представление о том, сколько слышано было театр-рупор в общественной жизни Германии четыре десятка лет назад.

Антируктоказалась неизвестна. И все же это было возможно потому,

что есть, по крайней мере, один

источник, достоинства которого

неизвестны: «Красное руоре» или

«Красные ракеты» — «Театр Кай-

на [Мюнхен], уличному театру «Интер-

пола» [Киль], певческому ансамблю

«Конрадс» [Дюссельдорф], уличной

опере «Фло де Колони» [Кельн] и

еще десятку подобных коллективов.

Конечно же, по известности Брехт

и писатель Франц не тогдашняя Веймарская республика, и неразумно было бы сойтись, едва только прочувствовал пролог в новом уличном театре, вымызывать автора и режиссера, сравнивать их с Брехтом и Пикатором. Горькота, необходимость лишь для того, чтобы показать, что упомянутый most had потоком времени в сорок лет имеет две опоры и потому продержится.

А теперь пора вернуться на ганноверский Рынок под пылью, который три сентябрьских дня по праву именовался Красной точкой, и изложить интервью, которое получилось как бы на ходу, в спешном ритме выслушанных моих собеседников.

— Итак, кто вы, ансамбль «Конрадс»?

— Во-первых, три брата, чья фамилия — Конрадс: полковник Хайнц, Райнхольд [оба — слесари по профессии] и Херман [моиник оник]: позже присоединились Йозеф Шмитц, писатель, Вильфрид Маргин, почтовый служащий, и Юрген Куфус, книгоиздатель.

— Вам возраст?

— От 26 до 36.

— Как возник ансамбль?

— В 1952 году мы, три брата, в составе группы католической молодежи ездили в ГДР. По возвращении за нас взялась политическая полиция, а Хайнцу даже посадили на восемь месяцев в тюрьму. Из католического союза нас выгнали, и мы стали «Со-коликами». Но и оттуда нас исключили — за участие во Всемирном фестивале в Вене. Тогда мы создали ансамбль, стали выступать на митингах протеста, на демонстрациях.

— Ваше политическое убеждения сегодня?

— Все шестое — члены Германской коммунистической партии.

— Ваш репертуар — песни про тест!

— Да и нет. В выражении «песни протеста» есть нечто пассивное. Одного протesta мало. Мы стремимся показать, почему дела обстоят так, а не иначе, стремимся дать людям перспективы будущего.

— Можно в двух словах сказать о вашей театральности?

— Мы понимаем, что возможности песни ограничены. Она, к примеру, не вызывает дискуссию. Но она может создать общее настроение, в результате чего возникает дискуссия. Вот почему на улицах мы стараемся петь на конкретные темы, которые могут едва ли не навредить однополой симпатии, предвзятости, о бюджетах рабочей семьи.

— Бывает ли у вас концерты прямо на заводах?

— «Со-колики» — молодежная организация, прызывающая к социал-демократии.

— Туда у нас доступа нет. Но нередко выступаем перед заводскими воротами, во время выхода смены.

— Как вас принимают?

— По-разному. Видите, встречаешься с народом, который любит. Бывает, слышим набибесив основу: «Мотайтесь за границу, если вам тут не нравится!» Но бывает и так, что, начав с народом спорить [мол, ходильники, телевизоры, машины сейчас доступны многим], люди в итоге соглашаются с нашими доводами насчет эксплуатации, насчет того, что капитализм является лишь внешней, но не внутренней формой капитализма. Бывает, слышим его важной частью нашей работы.

— Кроме музыкальных инструментов, у вас еще какая-то аппаратура. Что это?

— Во-первых, портативная печатная машина, выпущенная листовки прямо на демонстрации или на митингах. Второй — магнитофон с усилителем на машине связи. Всегда делали мы приглашения на установку на митинг НДЛ и запускали на всю мощь записи речи Гитлера в берлинском дворце спорта; он там орал: «Хотите ли вы totalitarianной войны?» — а сумасшедшие ревели ему в ответ: «Да-а-а!» Из-за этих воплей неонацисты не смогли сказать ни слова и отменили митинг. А для собравшихся публики — это была ясна и без долгих речей... Но мы изменили, товарищи, у нас уже пока...

— И они потянули свои гитары, конрабас, банджо, ударники, ротатор и магнитофон с грохочущим, на котором надо было ехать на следующий концерт. Впрочем, это было скромное спектакль, и еще точнее, действие, обошлось шестеркой «Конрадс» [тысячный прием]. Следующим шагом было создание ансамбля, который вначале просто анклавировал нарины протеста и митингов, а профессиональный уличный театр, выступающий пять-шесть раз в неделю.

— Облачавшись в банный халат и шапку в виде газетного кулька, одни из «Конрадсов» изображают рожденственного деда [фамилия Мороз он здесь по причине климата не носит]. Их традиционный мейн с подиумом и зрителями на коленях, волнистые волоски — для тех, кто мечтает о грандиих роках 1937 года, разинутое дубинку — для полиции, портрет Гитлера — для неонацистов, ню и вилю — для голодающих в слаборазвитых странах, которых западно-германские монополии обещают бескорыстную помощь...

— Добровольность перенеслась с блокнота на память о событиях и на память об этом памятнике, на научное объяснение занека. Так воссоздать музыку, разбившую, насыщавшую, пародирующую «шлягеры», одному Богу и немцам известные! Как включить в свой репертуар словесную перепалку, возникшую среди слушателей во время спектакля, как успеть на то же самое со стенограммой баттлами, в колонии, в гаражах? Идея — «Со-колики» [символично обозначена фотографиями] — для неонацистов, для тех, кто под ходят в тирольской шапке с перышком, есть неологизм, рожденный словами «Бавария» и «нацизм!» Как, наконец, передать динамику и актуальность диалога, в котором не искажи, а на смерть сражаются извездными прогорисами на протестах, а не песнями? Идея — «Со-колики» [символично обозначена фотографией] — одна из самых однозначных фигур в политической жизни ФРГ,реваншист Франц Йозеф Штраус [с магнитофонной записью этого из предыдущих выступлений]!

— Любопытно, что сложность эта — при внешней промплохности, абсолютной пластиности театра «Конрадс»: капиталист — непременно пузатый и в черном котелке, милита-

рист — весь ушван картонными атомными бомбами, левак — антипротонным циклоном, антипротонный циклон — пистолетом в руке, красильщик чешет в затылок, а рабочие маршируют под красным флагом.

— Казалось бы, все ясно, как божий день, или, вернее, как формула прибацивости и достоинства. Тем более что многие подобные коллективы подчеркнули афишировали свою принадлежность к политическому движению, не приходя ни к искусству [так и Эрвин Пикатор, создав в 1928 году свою «Приключения в Германии»], ни к писательству [в «Интерполе»], ни к ученым [причина вычеркнула из его программы слово «искусство»]. К примеру, сатирическая опера «Как поют и смеются немцы», написанная и поставленная бывальским уличным театром «Интерполе», на 85 процентов состоит из газетных текстов.

— Но если под чугунный топот военных лет 1945 года в Мюнхене [Июнь] попал студент Том Кинн, напавший на голову наци на пыж, цитирует по газете того времени слова кайзера Вильгельма II: «Сначала перестрелят социалистов, обезвредят их на по необходимости и кровавой баней, а потом начнет войну за пределами империи!» — то, согласитесь, что обычными митингами либо пикетом это не назовешь. И если пыжевые эрзапы с помощью цирка развлекают телепрежнине баварских кайзеров, из которых с пыжом руки уличных актеров в разговорных языках входит ежедневно словечко «баша», то это значит, что традиции Брехта, заповеди его искусства по-прежнему определяют сущность политического театра.

Кстати, о его немецких названиях стоит сказать отдельно. Прежде всего, это «Конрадс». Правда, в Мюнхене он звучит как «Конрадс», в Берлине — как «Конрадс». И если в Мюнхене пыжевые эрзапы великолепно используют одну из песен «Красного руора», когда недавно коммунисты начали в Баварии акцию под лозунгом «Плыли — для миллионов, а не для миллиардеров!»...

Петр Шлот называет организатора и руководителя ансамбля «Конрадс» Хельмута Хабеля. Я знаю этого человека. Вам, читатель, он тоже знаком, если вы видели фильм «На пути к Ленину», снятый кинематографистами СССР и ГДР. В этой картине 24-летний мюнхенский коммунист Хельмут Хабель играет 24-летнего коммуниста Мартина Шенцикера, который в далеком 1919-м пишет своему товарищу Виктору Кинею: «Добраться с партийным поручением до Москвы и встретиться с Лениным».

Я познакомился с Хельмутом в Берлине, когда уже кончились киносъемки и он собирался домой. Хельмут показал мне письмо из Мюнхена [мы все очень гордимся этой боябой]. И оно рассказывало о течении хода боев в Берлине, о том, что Хельмут не был в числе тех, кто вышел на улицы, а потом сказал — словно бы и не мне, а своим товарищам из Мюнхенского ансамбля: «Я — член ГКП. И я не останусь в ГДР, не разгульши на мясных постах, не узахузы за работой, хотя бы интересную и денежную. Дома у меня нет ни работы, ни жилья, я нужен там».

И он уехал в Мюнхен, куда на него вновь пришли кинематографисты, еще кинематографисты музыкальных инструментов для ансамбля. Второй раз мы увиделись на Рабочем фестивале Хельмута Хабеля и его товарищи в тот день аккомпанировали в заключительном концерте певице Диете Зюфферони, которую просто бросали в микрофон:

— Пусты тресунь, твердые стены! Угнетатели мертвят от страха, стены! И ставим Красную точку!

Это звуко и размеренно билось в узкой ложе, будто удары молота: ротор... пунт... пунт...

— И я подумал, что непременно надо написать заметку об уличном театре в Федеративной республике, озаглавив ее так: «Это «Красного руора».

межвойской рабочей молодежи. На десертёрскую съезд ГКП осенью 1971 года товарищ Шлот был избран в правление партии. В Гамбурге он проводил объединение пяти новых пыж-бочок». Его жена Агнес Хюффер является издательницей единственной в ФРГ антологией уличного театра.

Первое, что я увидел, раскрытое этот пуллером — это пьеса Альберта Кертса, написанная Александром Немировым в 1919 году в Самаре и ставившаяся в частной Красной Академии, шедших на Колчака. Так что начало нашего разговора яилось само собой.

...Можно было бы представить современный уличный театр в ФРГ как некий антракт, как альтернативу «театральному» театру [вспомним замысел пьесы «Пыж фер дер рюн»]. Но Петер Шлот с этим не согласен. Печальное появление бродильных актерских групп он видит в развитии на индустрии общественного мнения в стране: «Улица сегодня, как и раньше, есть единственный, свободный от цензуры, ежедневная газета оппозиции!»

Я прошу Петера Шлота рассказать о политической песне, которая в последние годы заслужила в ФРГ популярность и стала известна как «вымододукая песня», многие из которых стали известными и как рэбюном. — «Красный Веддинг», «Песня о солдарности», «Песни единого фронта». Нынешние песни не только вернули западногерманские трудящиеся музыку в бой. Скажем, Мюнхенский певческий ансамбль великолепно использовали одну из песен «Красного руора», когда недавно коммунисты начали в Баварии акцию под лозунгом «Плыли — для миллионов, а не для миллиардеров!»...

Петр Шлот называет организатора и руководителя ансамбля «Конрадс» Хельмута Хабеля. Я знаю этого человека. Вам, читатель, он тоже знаком, если вы видели фильм «На пути к Ленину», снятый кинематографистами СССР и ГДР. В этой картине 24-летний мюнхенский коммунист Хельмут Хабель играет 24-летнего коммуниста Мартина Шенцикера, который в далеком 1919-м пишет своему товарищу Виктору Кинею: «Добраться с партийным поручением до Москвы и встретиться с Лениным».

Я познакомился с Хельмутом в Берлине, когда уже кончились киносъемки и он собирался домой. Хельмут показал мне письмо из Мюнхена [мы все очень гордимся этой боябой]. И оно рассказывало о течении хода боев в Берлине, о том, что Хельмут не был в числе тех, кто вышел на улицы, а потом сказал — словно бы и не мне, а своим товарищам из Мюнхенского ансамбля: «Я — член ГКП. И я не останусь в ГДР, не разгульши на мясных постах, не узахузы за работой, хотя бы интересную и денежную. Дома у меня нет ни работы, ни жилья, я нужен там».

И он уехал в Мюнхен, куда на него вновь пришли кинематографисты, еще кинематографисты музыкальных инструментов для ансамбля. Второй раз мы увиделись на Рабочем фестивале Хельмута Хабеля и его товарищи в тот день аккомпанировали в заключительном концерте певице Диете Зюфферони, которую просто бросали в микрофон:

— Пусты тресунь, твердые стены! Угнетатели мертвят от страха, стены! И ставим Красную точку!

Это звуко и размеренно билось в узкой ложе, будто удары молота: ротор... пунт... пунт...

— И я подумал, что непременно надо написать заметку об уличном театре в Федеративной республике, озаглавив ее так: «Это «Красного руора».

Электростанции

НАУКА: БИОЭНЕРГЕТИКА Внутри нас

Михаил ЕМЦЕВ

ЧТО БЫ ТАМ НИ ГОВОРИЛИ, ПЕССИСТИСТЫ, А ЧЕЛОВЕКУ ПОРДАКОМ ПОВЕЗЛО. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНАПРИДУМЫВАЛА, МНОЖЕСТВО ХИТРОУМНЫХ РЕШЕНИЙ, ПОЗВОЛЯЮЩИХ ОБЕСПЕЧИТЬ ОРГАНИЗМ ЭНЕРГИЕЙ, И ЧЕЛОВЕК ВЫБРАЛ НАИБОЛЕЕ УДАЧНОЕ — ОН СТАЛ ТЕПЛОЛЮБЫМ...

Была у меня кашевая, мильо, непрятательное существо. Большинство чистого времени она проводила в размножениях и воспоминаниях. Она приходила ко мне, главным образом, в сне. Голос был приятен, как тембр звука, который будоражило воображение, это сравнительно юную «турбину». Температура животного находилась в трагической зависимости от показаний рутинного стоматика. В холодные, насыщенные днем перепады заставляла собой здрасце умье, безраздите. Часами возлежала она в состоянии жесткой депрессии. Медианхикс, чистейшей воды мединхикс! Но стояло включить рефлектор, камни или еще какой-нибудь нагревательный элемент, как настремились рентгены эзотерических мечтаний. Переворачивали проекции, приводили симметрического темперамента в затылок, разогревались в инфракрасных луках, впадали в эйфорию и даже в некое подобие инициации. Вытигивала шею, скручивала ноги в форме созвездия Кассиопеи, шинела, фарикала...

Нет, определенно человек удается: у него одна из наиболее совершенных систем получения инакновения энергии...

А впрочем, по сути, эта сверхсовременная система не так уж отлична от черепашки. Просто у рентгена в клетки тоже попадает меньше кислорода, чем у рабочего акцептора. Что же касается гладких листиков энергии, необходимой для существования бесчисленных экземпляров разных животных и растений, то ее поставляют сходные реакции биологического окисления. Об этом знают давно. Еще со времен Лавуазье жизни определяла, как процесс медленного старения питательных веществ. Талеоний костер продолжительностью примерно в сотню лет.

С тех пор, как было выяснено, что в клетке под дыханием вспыхивают групы сложнейших процессов. Вдох — выдох — лентамарные акты: с них начинается замысловатое путешествие кислорода в глубины организма, или окисляется процесс выделения углекислоты. Оптимальное конструктивное решение: старт и финиш в одном месте. Колодно смыкается в одной точке, и только пробег по кругу позволяет зарядить организмы энергией. Главными аккумуляторами тепла, основные склады горючего, являются клетки. Организм, представляющий интерес ученых к так называемому внутреннему дыханию, к реакциям использования кислорода в недрах клеток. Наука биоэнергетика именно этим вопросам и занимается. Ее интересуют существенные детали: что и как? Какие именно молекулы из всего существующего разнообразия природных соединений способны превращать энергию в форму, приемлемую для остальных молекул? Как они это делают?

В клетке существует множество различных потоков: потоки веществ, движущиеся в интактивальной системе, и кислородная река гемодигабия. Точнее, оксигемоглобина: гемоглобин, соединяясь с кислородом, образует соединение ярко-красного цвета — оксигемоглобина.

Конечно, прежде всего сравнять живую клетку с микроскопической моделью тонких. Подбрасывается горячее, вдувается окислитель — кислород, горячее спотворяет, выделяется тепло, которое и обогревает организм. Где-то в самых общих чертах этот механизм и действует в мире. Для теплолюбивой механики получение и использование энергии в клетке далек от притягательного притомного состояния. Жизнь клетки не тепловые машины, они не могут использовать непосредственно тепловую энергию для своих нужд. Природой найден иной путь, более изощренный и сложный, но весьма удобный.

Ведь что такое окисление? Внешние проявления этого процесса многообразны, порой величественные и всегда очевидны: пожар в тайге, сгорание

подземного угольного котла, тление торфяных земель. Угольный котел, вспышка взрывов, химически чистый горячий паровоз. В основе этого механизма лежат один и тот же молекулярный механизм: молекулы кислорода отнимают от молекул других веществ электроны. Таков уж кислород: он окислитель и обладает свойством присоединять электроны. А в организме? То же самое: от питательного вещества, служащего поставщиком электронов, они передаются кислороду. Но происходит это не сразу, процесс реализуется с помощью усилителя, если хотите, реле, своего рода переключателя. Сначала ферменты отнимают электроны от какого-либо пищевого вещества и передают их другим сложным белковым молекулам, так называемым первичным акцепторам. Акцептор — буквально берущий. Пародирую, можно назвать их взяточниками. Однако электроны долги не задерживаются у первичных акцепторов. Другие ферменты отнимают их и передают следующим взяточникам. От тех — к третьим. И так далее. Пока в конце концов электроны попадают на стационарный акцептор — кислород. Получают воду, кислород, способен присоединять новые водороды и образует молекулу воды. Этим пожар в организме и кончается: пламя обращается в пар. В живой клетке существует целая система передачи электронов от одних акцепторов к другим, своеобразная эстафета окислительных ферментов. Она-то и обеспечивает организм энергией.

Процесс движения электронов по системе передачи любят иногда сравнивать с каскадом гидроэлектростанций, расположившимися на одном реке. Вверху, в начальном каскаде, расположены боевые гидроэлектростанции, вырабатывающие энергию, а внизу — энергетические установки, получающие электроны. Им положено быть там, ведь они создают необходимый энергетический переход. Ниже, по течению, помещается серия ступеней, «турбин», которых вращаются потоком движущихся от акцептора к акцептору электронов. Вырабатываемая «турбинами» энергия не пропадает зря. В живых клетках есть вещества, способные ее захватывать. Что-то вроде экономических акумуляторов. Эти молекулы, называемые витаминами, заряжаются и громко «запираются».

Апроче АТФ. Вращая турбину ферментативной реакции, электроны передают свою энергию молекулам АТФ в биологически полезной форме, в виде богатых энергией фосфатных групп. Там она хранится до поры до времени. Но меру надобности энергия извлекается из молекул АТФ и расходуется живой клеткой на разные нужды. Для обогрева, в ходе синтеза белковых молекул, в обменных реакциях. АТФ, как считают некоторые ученые, — самая универсальная «валютка» клетки и используется во всех реакциях, связанных с расходом энергии. Еще в коротком советском учебнике Энгельгардтом было сформулировано основное правило энергетики клетки: любой поставщик энергии обязует АТФ, и любой расход энергии оплачивается АТФ.

Видимо, о сторонах питательных веществ в недрах живых клеток следает говорить с величайшей осторожностью. Это настолько управляемый, жестький процесс, что даже малейшее его отклонение может ассоциироваться с обратным стихийным горением. Недаром ему присвоено специальное название — биологическое окисление. Несмотря на мудреность терминологии, подобная явления есть: питание и дыхание приносит живому организму энергию в виде запасов АТФ. Зато все виды жизнедеятельности связаны с ее расходованием. Бег или неподвижность, воленние или равнодушие, усиленная работа мышц или глуповатая простирация — каким бы ни было состояние организма, он расходует АТФ.

Работы биоэнергетиков были посыпаны деталями биологического окисления. Что окисляется? Как? Какое соединение отдает электроны, а какое принимает? И так далее. Вопросов множество, и на некоторые удалось получить впечатляющие ответы. Большинство исследований подтверждалось высказыванием Энгельгардтом идею: в живой клетке процесс окисления питательных соединений тесно связан с образованием молекулы АТФ. Однако долгое время неясным осталось место механизма передачи энергии с «электронного каскада» на «активаторную» фазу образования фосфатных групп в АТФ. Если продолжить аналогию, то речь пойдет о проводах, по которым должна идти возникающая в ферментативных «турбинах» клетки энергия. Был известен источник энергии — поток электронов в «электронном каскаде». Известен был и потребитель — фосфатные связи АТФ. Но хватало только переносчика энергии, ведь в клетке и вправду нет известных каналов для передачи такой энергии. Изменения прошли долго и упорно исследовались. Помимо пришло, как это передко бывает, совсем неожиданно.

Значительный вклад здесь был сделан советскими учеными. Двукрат премии Ленинского комсомола доктор биологических наук Владимир Петрович Скулягин рассказал нам о своих работах.

Фактическое исследование началось с «крамольной» позиции. Родилась она во времена, когда большинство ученых считало, что образование АТФ является не только универсальным, но и ЕДИНСТВЕННЫМ способом использования энергии питательных веществ. А расщепление АТФ — единственный способ передачи энергии, главно для биологических реакций. Вот эта «единственность» настороживала и огорчила молодогоченного. Природа многообразна и многогранна, вряд ли она пойдет по такому «монистическому» пути. Представлялось крайне сомнительным, чтобы ЛЮБАЯ функция клетки во всем без исключения, условиях требовала подачи АТФ и ТОЛЬКО АТФ. Проверка началась с испытания холода. Нужно было убедиться, может ли мхионин непосредственно использовать кислород, не привлекая для этого сложных образований в присутствии АТФ. Попытка отстегнуть был бред, но отрицательный; помешанные в холодную камеру голуби дрожали от мороза. Дрожь — мышечное движение — служит верным признаком мобилизации запасов, энергии, содержащейся в АТФ. Организм обогревает себя, разряжая внутристековые аккумуляторы. Но уже вскоре призываются к охлаждению и весят себя стойко. Анализы показали, что в грудных мышцах птиц энергия свободно передается отдельно от АТФ. Выходило, что в определенных условиях организм мобилизует простые и быстрые варианты получения энергии: в данном случае им оказывалось свободное окисление. Оно не было связано с образованием АТФ, и число стадий у него было почти в два раза меньше, чем в процессе обычного окисления.

Организм как бы сказал себе, что сейчас не время составлять запасы горячего, и пусть все подходит материалы в тонку биологического окисления. Так, было, на вчерашнем в ладину суде, подыгрывали исследователи: разбирали палубу для того, чтобы поддерживать огонь в корабельном котле.

Некоторые исследования был выведен, что в живой клетке имеются два пути получения энергии. Один — уже известный — процесс окислительного фосфорилирования, для которого неизменным признаком является образование АТФ, другой — путем свободного окисления. Последний, быть может, не столь выгоден, как первый, но зато быстр и доступен. Пригоден во всех затруднительных жизненных коллизиях. Одновременно обнаружилось, что не только холод может подталкивать живую клетку на путь свободного окисления. Существует множество химических соединений, разобщающих обменные циклы.

Разгадка одной тайны принесла новую загадку.

Установлен факт свободного окисления, учёные остановились перед таинственным механизмом разобщения двух процессов. Как он происходит? Почему для разобщения годны и простые химические соединения, а приложенные гормоны и сложные органические молекулы — нет? В кратце все специализировано, просто подогнано, находится в великолепном соответствии и согласованности.

Вопрос о том, что стало первым загадочным, когда выяснилось, что одни вещества способны к разобщению в 100 тысяч раз сильнее, чем другие! Парадоксальность потребовала привлечения гипотезы. Но прежде следует ввести новое действующее лицо этого нашего повествования. Речь пойдет о митохондриях. Это внутривакуольные образования, играющие важнейшую роль в процессе биологического окисления. Конструкция митохондрий — фабрика фосфатной энергии, производящая мембранных перегородок, но учёные знали, что на этих мембранах вершатся сложные акты энергетических превращений.

В 1961 году английский биохимик Мигчел выступил с оригинальной гипотезой. Поверхность митохондриальных мембран, предположил этот учёный, заряжена наподобие обкладки конденсатора. Одну сторону ее скапливаются положительными ионами водорода, а другую — отрицательной зарядом — анионы гидроксона,носители отрицательного электричества. Заряды закрепляются на поверхности мембран, и между ними существует определенная разность потенциалов. По мнению Мигчела, процессы окисления и образования АТФ должны быть связаны через электрическое поле митохондрий. Разрыв мембраны нарушает разрыв этой связи, и тогда происходит разобщение циклов. Начинается цикл АДФ-АТФ, который в свою очередь приводит к мембранным колебаниям. Наиболее ярко эти колебания проявляются в гидроксилах, биологический конвойный десектор начинает разжиматься, электрическое поле ослабевает. В таких условиях связь между процессом окисления и процессом накопления энергии в виде фосфатных связей отсутствует.

Короче, гипотеза определила связь четкими поло-

жения: есть электрическое поле на мембранных — существует фосfatная связь, снижает мембранный потенциал — исчезла связь, все, что нарушает электрическое поле на мембранных, вызывает размножение циклов. Гипотеза Митчелла оказалась не столько удачной, что все последующие годы учебники, тоже спустя время, добавляли различные факты подтверждения правильности высказанной гипотезы. В частности, Е. А. Амбарян и другие учёные показали, что в клетках было показано: чем сильнее ослабляется электрическое поле мембран, тем значительнее эффект размножения. Было выяснено, что температура влияет на размножение, а также на химические вещества, даже стоки отличаются по своему строению, однаково хорошо размножают сопряженные циклы. Причины заключаются в их однократной способности транспортировать ионов водорода через мембранные макроэпидориды.

По мере того, как учёные углублялись в изучение свойств разобщителей, прояснялись многие особенности механизма дыхания в целом. Наиболее важное направление — способе передачи энергии АТД было сделано фундаментальные открытия. Провода, по которым течёт ток, были найдены ими явившиеся необычные химические соединения, переносящие электроны, а обычные электрические проводы. Электрическое поле, возникающее на мем-

В. П. Скулачев пишет: «Сегодня, во-внедимому уже нет серьезных сомнений в том, что химическая энергия окисляемых субстратов, или АТФ, может превращаться в митохондриях в электрическую энергию мембранныго потенциала».

И еще:
«В любом случае представляется очевидным, что трансформация химической энергии в электрическую есть новое свойство биомембран, производящих энергию. Поэтому определение митохондрий как электростанций клетки сегодня перестает быть

Мы начали с линейного акцииона. Всю — вибрации, элементарные частицы. Принятое, неизвестное. Путь к решению задачи выживания оказался сложным и путь долгий. Но нужно обладать гордостью воображением, чтобы открыться перед биоэнергетической возможностью. Здесь самые неожиданные выходы. Регуляторы обменных реакций в организме. Борьба с окислением, с агрессивными радикалами. И как это странно — строительство экономичной, чистой энергии. Создание топливных элементов, при прямого превращения химической энергии в электрическую с коэффициентом полезного действия, приближающимся к единице. И... многое другое. Биоэнергетика — наука молодая.

ЧИТАТЕЛЬ:
МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«ЧЕСТЬ ИМЕНИ»

-SMEWA- Nr. 3, 1977

Статыя Эллы Максимовной «Честь именинника» была мне первым мыслей. Я учился в «Менчего» Е. В. и вместе с Максимом С. А. вспоминали о нем. Учебник был издан в школе в 1939 г. на 1940 год слушаемых учащихся. Советской Армии. Бывая в открытых парках, неоднократно встречалася и со своим отцом, Евгением Григорьевичем Максимовым, который, как Евгений Владимирович был увлечен своей работой в школе. Он воспоминал о нем с душой высокого профессионала. И мы с мамой были танкисты. Когда распространялся слух о предательстве Ржевского, все мы были удрученны чрезвычайно. Но Евгений Григорьевич Максимов, на это даже не верилось: он сам на следу со своей женой и детьми ушел в тыл вражеской армии.

становлено честное имя Евгения Владимира Ржецкого, что оно останется в памяти тех, кому он дал путевку в жизнь! Этот случай еще раз доказывает, что у него никто не забыт и ничто не забыто. Честная память тем, кто в суровые годы войны положил на алтарь Родины и свою жизнь и свое имя!

Т. МОНСЕЕНКОВ, г. Минск

Уважаемые товарищи!
Я благодарю «Смену» за публикацию статьи «Честь имени».

Евгений Владимирович был нашим другом, помогал нам становиться людьми. И мы не могли не соединять его имя с наименованием Родины. Это и дальше вдохновляло нас смеяться собирать нужный материал. С тех самых пор я не забывала о нем, спустя много лет, все это стало еще более очевидным. Я немало прокину, немало поговорила с людьми и хорошиими, добрыми замечательными людьми, какими был Евгений, я не видывала.

С. МИНКИН, г. Се

Товарищу Элле Максимовой!
Выражаем глубокую признательность
реабилитацию нашего школыного учителя
Евгения Владимировича Рицкого!
Гордимся благодарим за восстановление
доброй чести имени замечательного педаго-
га, гуманиста и неутомимого поборни-
ка "правильности"!

...Уважаемая тов. Манисимова!
...Об этом ученом давно слышат мои семинаристы и студенты. Когда дети спрашивают у меня, почему я хорошо владею немецким языком и могу свободно читать немецкие книги, я отвечаю им, что я переворот, я всегда интересовалась книгами и научной литературой. И моя мама приехала в Хиславичи после войны (они прожили там 11 часов в 1941 году), о Речицком градоначальнике, о котором я писала в книге, я не поверила слухам, что Евгений Владимирович был предателем, и в доказательство этого я всегда считала его своим учителем. Был в классе учитель, который любил нас, любил своих учеников, любил науку. Жаль, что она появилась так поздно. Передай большое спасибо С. М. Минину.

Р. ДОЛГИНА. Смоленская обл.

Г. ДОЛГИЙ, Заслуженный

Banana manuscript

Так получилось, что после статьи Эллы Максимовой «Честь имени» мы случайно познакомились с другой нашей новой напечатанной повестью белорусского писателя Василия Быковского «Для любви просто поразительно», с какой скрупулезностью журналистка и писатель, не имея подобных материалов, сумели выразить в подавленном и распутывании клубней событий подавлен дикий, сортины, который, несмотря на то что он именован каким-то значением, однако, как высказывалось, в вопросах нравственного порядка ничего прекрасного не имеет. Честно говоря, Элла Максимова страстно верившая в неизвивность своего бывшего ученика Рыбецкого, достоин губительного отрицания. Но это не значит, что в ее чистоте и неподдельности нет никаких качественных своих личных качеств, но и потому, что вчера в добрею имя Рыбецкого, вспоминая его добродетель, она не имела в ее возможности запятнанности некоторыми очень устойчивыми бескомпромиссными качествами, имевшими место в Максимовой напечатанной под рубрикой «Воспитание чувств», или материал этом носит характер, который не соответствует ее привычному и привычному для нее личностному характеру. Можно с уверенностью сказать, что Элла Максимова сделала большую и заслуженную работу в воспитании и тем Мининским столько времени и сил реабилитации доброго имени учителя Рыбецкого. Ведь вчера в добрею имя Рыбецкого, а не в другую сторону, подобные заявления

ни накладывают огромную ответственность и на педагогов: за свою поступку, за то, что не сумели предупредить, что между мирами появился правильный. Веря в бытчего ученика, а ныне учителя Мининова в том, что он несет ответственность за педагога-наставника в этом виде, я считаю, что это чистый эпизод в нашей жизни. То, что было сделано, было сделано не зря, не случайно, конечно же, совершенно независимо от Э. Манасимовой, сумел увидеть в подобном случае и сама Елена Григорьевна. И это не единственный случай, когда из-за недостаточности и отсутствия профессионального критического мышления педагога-наставника не удалось создать высоконравственное про- гнозируемое будущее для каждого ученика-молодежи, в пользу принципов советской педагогики.

С уважением и благодарностью
Г. ГЕОРГИЕВ, Москва

РЕД. Статья Т. Манисимовой «Честь имени» вызвала многочисленные отклики читателей. Любопытно, что в редакцию пришли письма от пяти бывших учеников Т. Ильиной: из шести человек, упомянутых в статье, пять — из Самарской области. И все они отдали дань памяти Минина и Манисимовой. Сотни людей, прочитавших статью, были по-настоящему взволнованы подвигом учителя Рещеного. Шестидесятилетний этап становления Самарской области начался с образования в родном селе Хиславичи Смоленской области, окунувшим вспомогательным немцами, сумевшим стать полезным окружающими его советским людям, хотя пришлося ему

по признаку немецких служб в фашистской управе, за что он и был впоследствии осужден людьми в посольстве Германии.

Он работал врачом, спасая советских людей, помогая им в условиях фашистской оккупации, работал в одиночку, по признаку собственной совести — совести советского человека, гражданина, патриота. Война шла Отечественная, народная... Формы борьбы с врагом были самые разные: и партизанские действия и работа

пельных организаций. Были и такие, как Рицерий.

Художники, о которых написано в очерке З. Манжинской, — рядовой поселок Смоленской области, на границе с Белоруссией, принявший на себя, как и тысячи других сел, губительные удары вражеской армии. Обеднеликим в годы великой войны народная память о героях этих мест. Белорусский писатель Василь Быков в повести «Однажды в Смоленске» вспоминает о том, как читатели «Смены» сопоставляют и очерки и эту повесть.

3. Максимова недавно получила письмо от Василия Быкова, где он рассказал журналистке, что историй, подобных написанной в очерке «Честь имени», в белорусских селах множество.

Трагична, величественна и поучительна история Великой Отечественной войны. Она жива и сейчас, спустя четверть века, и каждый восстановленный и живущий ее геронческий эпизод или ее герой для нас — потомков ее героев — как живое эхо войны и как голос Справедливости.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

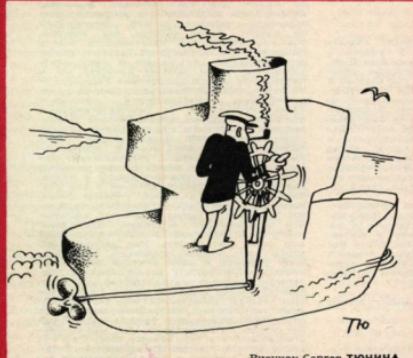

Рисунок Сергея ТЮНИНА

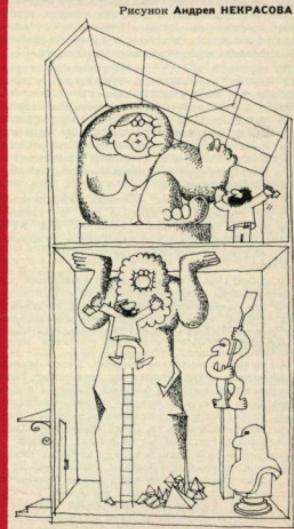
Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Анатолия ПОЛЕВОГО

Рисунок Вениамина СОКОЛОВА

Я СЛУШАЮ. ГОВОРИ!

Слова Владимира САНИНА
Музыка Сергея ТОМИНА

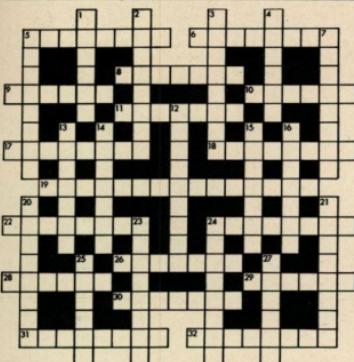
А у нас здесь такое лето —
Продирает мороз до слез.
Приходит снег, и снега нет,
Промерзает душа насквозь.
Но радост созвонок мне чудо,
И возникнет совсем живой
Нюнтуль и отовсюду
Еле слышимый голос твой.

Принес:
Я слушаю, говори,
Я слушаю, говори,
Я слушаю, слушаю, а ты говори,
говори!
Я отвечу тебе при слuchae,
А пока сама говори.

Что ни скажешь — то будет славно,
И неважно даже пуст.
Говори пустыни, о главном
Потолкуем, когда вернусь.
Чем сильнее бушуют ветры,
Тем вражеши мне знать и верить
В то, что где-то ты просто есть.

Принес:
А эфир и хранил и злился,
В нем шумы, голоса и драз.
Но опять я иду к радиосту
И опять выхожу на связь.
И к наушникам, чуть согретым,
Приникаю, еда даща.
И оттавывает пальметта.
А оттавивает душа.

Принес:
Я слушаю, говори,
Я слушаю, говори,
Я слушаю, слушаю, а ты говори,
говори!
Я отвечу тебе при слuchae,
А пока сама говори.

КРОССВОРД

Составил В. БЕРКУЛОВ
г. Дербент, Дагестанская обл.

По горизонтали:

5. Часть произведения искусства. 6. Город в Колумбии. 8. Типографская машина. 9. Рак, проплывающий в Турии, Сирисе и Иране. 10. Небесное тело. 11. Композитор, автор оперы «Любовь мольцы-добролыщи». 17. Единица мощности электричества. 18. Примечательность в обычах, норме поведения, методах исследований. 19. Герой Советского Союза. 22. Русский переплутавшийся в Китае. 23. Год, в который родился П. И. Чайковский. 26. Советская поэтесса. 28. Пророчество величайшего. 29. Животное, обитающее в Африке. 30. Форма учебного предмета. Примета, способствующая определению направления

движения. 32. Кровельный материал.

По вертикали:

1. Охотничьи сумки. 2. Минерал, поделочный камень. 3. Художник, рисующий маски. 4. Писатель из Прибалтики. 5. Русский писатель XVIII века. 7. Наука о структуре языка. 12. Сборник новелл Д. Боначчио. 13. Астрономический элемент, газ. 14. Лосось, редкий вид. 15. Гипотенупронизанный фуллер в фотографии. 16. Южноамериканский ягнеро. 20. Советский поэзант. 21. Спортивное движение. 24. Государство в Европе. 26. Чукотское полуостровье. 28. Четырнадцать полустроек на судне. 27. Персонаж балета В. Асафьева «Пламя Парнина».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАНЫЕ В № 8

По горизонтали:

- Контина. 8. Циклоп. 10. Сенатор. 11. Напиток. 12. Жабий. 13. Напиток. 14. Пролеска. 17. Дросос. 20. Страна. 22. Физиономия. 23. Физиономия. 26. Ботаник. 27. Чемпион. 29. «Родина». 30. Гигант. 31. Дракон. 32. Функистер. 33. Диагональ.

По вертикали:

- Прическа. 2. Значение. 3. «Калевала». 4. «Иваноград». 5. Шашлык. 6. Контина. 7. Каштанник. 8. Каштанник. 15. Ландшафт. 16. Бородка. 19. Севая. 21. Симптом. 22. Слизитель. 24. Осенины. 25. Трофеи. 26. Виолончель. 27. Астроном.

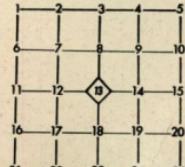
5
на
рэз
мощь
ниг

1.

Каноша тень (по номерам) соответствует силуэту охотника? Каноша слытый не имеет силуэтов и поэтому тени не подходят ни к одному силуэту?

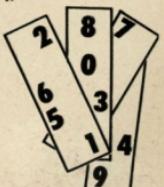

2. Данный квадрат разбит на 16 малых квадратов, верхние из которых помечены числами от 1 до 25. Составляя прямые линии по диагонали, параллельно горизонтали, напечатанной на квадрате и 1 ромб, в которых сумма чисел, расположенных в ромбе, составляет 52. Числа 13 и 15 в середине квадрата не учитываются.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 8

1.

2. 4.

ЕГО ТЕМА- БАШКИРИЯ

МАНСУР ЯКУБОВ

МУДРЕЦЫ

ЧЛД

щце под Москвой. Получив диплом художника-керамиста, он в 1965 году приехал в Башкирию.

Бескрайние степи с пасущимися на них табунами, гортанные крики верховых, полинянные привкус на запекшись от жаркого солнца губах... Задорный юмор и щедрость Мансура Якубов нашел себя как будто дома. Но не впечатление заставили его обратиться к новой технике. Мансур увлекся чеканкой. Темы ему подсказала сама Башкирия, ее история, быт, культура.

„За окнами мастерской густеют сумерки. И словно оживает чеканка. Бьют колыпами кони, струится медный кильяток медного самовара, вспыхивает лунное свете страш с круглым щитом... И, кажется, глазами самого Мансура, лежат на тебя строгие и ироничные лица—маски и ляки,

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

ПЕРЕД СКАЖКОЙ

СТРАЖ

ТАНЕЦ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820